

ПРОФЕССИОНАРИУМ

АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Олесьина Ручьова Дождинов Севиринова Юрская Трусциновская Зорин Репин Нестеров Топтах Гелприн
Зарубина Хортин Рыженнова Богданов Логинов Непьтов Стрельченко Буторин Филленю Гладная Москвитин

Сергей Хортин

Алексей Репин

Ольга Олесина

Татьяна Владимировна Томах

Марк Москвитин

Антон Дождиков

Александр Богданов

Майк Гелприн

Дарья Николаевна Зарубина

Дмитрий Корсак

Андрей Русланович Буторин

Юлия Гладкая

Дарья Рубцова

Святослав Владимирович Логинов

Андрей Зорин

Таисия Севрюкова

Юрий Нестеров

Евгений Иванович Филенко

Дарина Александровна Стрельченко

Далия Мейеровна Трускиновская

Николай Васильевич Немытов

Юлия Рыженкова
Профессионариум. Антология
фантастических профессий

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66135346

Профессионариум. Антология фантастических профессий:

ISBN 978-5-6045754-0-6

Аннотация

Мир стремительно меняется. Мы близки к тому времени, когда любая профессия может исчезнуть в течение десяти-пятнадцати лет. А взамен возникнут новые, немыслимые... Какими же они будут? И есть ли необычные специальности в параллельных и перпендикулярных мирах? Каких знаний они требуют от своих носителей? Какие конфликты существуют в той профессиональной среде, да и как относятся к мастерам необычного простые граждане?

Содержание

Герой не нашего времени. «...Там, в добром будущем вашем»	5
Ольга Олесина. День экзамена	5
Дарья Рубцова. Шиншилла слышит	26
Антон Дождиков. Профессионалка	48
Таисия Севрюкова. Голова Агаты	65
Дмитрий Корсак. Испытательный срок	94
Даля Трускиновская. Тренер компаньонов	109
Андрей Зорин. Зимний вечер	134
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Профессионариум. Антология фантастических профессий

**Герой не нашего времени. «...
Там, в добром будущем вашем»**

Ольга Олесина. День экзамена

Письмо из службы профпереподготовки пришло, когда я почти перестала ждать и свыклась с тем, что любить мне не положено.

Это был самый обычный день. Ожидалась проверка, но это рутина, у нас в семье что ни день проверки. В Министерстве воспитания не доверяют электронному мониторингу и то и дело отправляют контролёров-людей проследить: а вдруг мы сами рисуем на планшетах те картинки, которые подгружаем в систему под видом детского творчества?

Как всегда, в тот день я ночевала дома... то есть на работе, мы здесь называем работу «домом». У меня бывают выходные, но нет отношений или обязательств, которые требовали

бы отлучиться на всю ночь. Есть кое-кто, с кем я болтаю по видео, но пока не уверена, хочу ли более близкой связи.

То утро началось как всегда: смешать и развести еду для всех, поставить её в ячейки подогревателя на разное время, подобрать детям одежду на день. Выполняя привычные операции, я включила в наушнике новости: если их не слушать хоть иногда, то и с меня лично, и с семьи снимут баллы в рейтинге по категории «Осведомлённость в современной ситуации». Особенно важно не пропускать всё, что связано с профессией, так что я сразу перемотала до известий министерства.

– Структурные преобразования... – забубнил голос, который озвучивает мою новостную ленту. Надо бы поменять, надоел. – Дать шанс «эмоционально особым»...

О, это что, про меня? Неужели в министерстве заметили, что такие как я ущемлены в правах?

Я из тех, кто воспитан роботами. Да-да, то самое экспериментальное поколение, когда на волне эйфории от изобретения искусственной матки решили, что опекуны-люди вовсе не нужны. Во времена моего детства слова «мама» и «папа» были названиями электронных помощников на экране, вроде старинной «Сири», которую до сих пор устанавливают себе коллекционеры древностей. Знаю, что кое-кто из моего поколения, повзрослев, безуспешно пытался найти тех актёров, чья внешность была использована для создания 3D-моделей наших «родителей». Наши воспитатели были запро-

граммированы на удовлетворение потребностей в эмоциональной поддержке, но рано или поздно мы все ловили «маму» на том, что она не слушает, или не понимает, или странно реагирует, и, разочаровавшись, привязывались кто к учителю-человеку, кто к проверяющему-человеку. Я не была исключением – по-детски влюбилась в педиатра и с замиранием сердца ждала каждой проверки здоровья.

В Министерстве воспитания довольно быстро хватились и ввели семьи с профессиональными родителями: любящими, техниками и педагогами – в одной из которых сейчас работаю и я, но какое-то количество детей у роботов успело вырасти. Я прошла положенную нам от государства психотерапию (даже попала в квоту на десять сеансов с психотерапевтом-человеком!), но когда после учёбы стала искать вакансию в семье, то удалось устроиться только техничкой. Официального запрета быть любящей для меня нет (введи они его, и их обвинили бы в трудовой дискриминации), так что я каждый год отправляла заявку на сдачу экзамена на любовь. Не получала никакого ответа и бит за битом теряла надежду. Но, похоже, наступил праздник и в нашем отсеке.

– Равные права... Привлечение новой волны специалистов... – бормотало в наушнике. Возможно, это всего лишь красивые слова из пиар-кампании нового министра. Или в этом году слишком мало кандидатов подали заявки в семьи. Или министерских наконец прижала комиссия по труду за то, что они обходят «эмоционально дефектных» при найме.

На всякий случай не стоит ни на что рассчитывать. Я выключила ленту.

Закончив распределять одежду, я решила перебрать пристёгивающиеся элементы. Из всех операций не люблю сортировку, но в ящике у Эвочки до сих пор лежат рукава, из которых её руки торчат, будто они телескопически выдвинулись. И конечно же, я не рассчитала время: едва уселась рядом с вещевым контейнером, как по дому стали раздаваться нежные звуки детских будильников. Пора было переодевать малышей и помогать им приводить себя в порядок и справлять нужду. Топ-топ по коридору – это Эва, я всех наших по шажкам различаю.

– Ая? – Моё имя она пока только так выговаривает. Сна ни в одном глазочке – наверное, проснулась ещё до сигнала. Вита ворчит, что Эва сама как будильник, а я бы не отказалась, чтобы такая вот улыбашка спала со мной в одной комнате, а по утрам тормошила и лезла ко мне в кровать обниматься. Но мне не положено.

Я раскрыла объятия, подхватила Эву и понесла в ванную. Наш педагог Алекс не преминул бы заметить, что двухлетний ребёнок должен упражняться в ходьбе. Но я-то техничка: обнимать не входит в мою должностную инструкцию, зато носить на руках никто не запретит. Да и Эва лёгонькая. Некоторые из любящих ассистируют с утренними процедурами, например Лина – она сама возится с Яном, своим младшим, а старший, Кир, у неё самостоятельный, так что

мне полегче, но Вита предоставляет всё мне. Что ж, имеет право.

Если бы в семье узнали, что я планирую повышение квалификации, наверняка решили бы, что я устала от чистки детей... все, кроме Лины. Очищающие процедуры и правда утомляют, но я была бы согласна всю жизнь заниматься туалетом, если бы только мне разрешили взять из роддома маленького. Когда любящие впервые получают своих детей, они их из рук еле выпускают – лишь на минутку передают мне, чтобы я поменяла подгузник. Часами сидят над ними и караулят первые летучие улыбки. Считается, что «эмоционально дефектные» не могут этого понять, но я хотела бы, чтобы мне дали малыша: дышать им, петь ему, прижимать его к себе. Только моего. Любимого. Наверное, в старину так носились со своими те женщины, которые рожали. Сейчас-то роды – это экзотическое хобби наподобие БДСМ и волонтерской работы.

Уведомление о новом входящем пришло мне между «ложечкой за работа-уборщика» (Марик обожает есть под эту старинную прибаутку) и «давай заправим тебя охлаждающей жидкостью» (у Кира сейчас период, когда он воображает себя... нет, не астронавтом, а скафандром). Я смогла открыть письмо, лишь когда все младшие члены нашей семьи были чисты, одеты и накормлены и отправились заниматься под руководством Алекса – кто в игровую со своими любящими, кто к экранам в учебный зал. Я села к контейнеру с одеждой,

включила голосовое чтение письма – и при первых словах так вцепилась в детскую штанинку, что её пришлось потом кинуть в гладильный аппарат.

Неужели новый министр не только болтает языком? В любом случае, мне стоит попробовать. Вот возьмут и ужесточат в следующем году правила приёма – и прощай навсегда, надежда любить.

Благодаря тому что я техничка, у меня уже были получены «детские права» категории «С» – доступ к самым маленьким. Результаты медосмотров я тоже недавно обновляла в электронном профиле, так что мне остался лишь экзамен на любовь.

Ссылка не копировалась из письма, чтобы запустить тест смог только адресат. Отвечать требовалось голосом для исключения мошенничества. Во время прохождения нельзя было открывать другие программы и выходить в сеть ни на одном из своих гаджетов – информация об этом передавалась в центр обработки результатов.

На переход по ссылке давалось пять дней, так что можно было напоследок посоветоваться с кем-нибудь, даже не раскрывая причин своего интереса, а маскируя его под обычное любопытство. Но у меня зудело внутри! Раз за разом отправляя свою заявку, я в ожидании ответа выпросила у наших любящих все подробности их трудоустройства. Да и задания ведь меняются каждый год. Если отложить до завтра, то я сегодня не усну! Лучше разделаться с этим одним кликом,

так что я решила использовать большой перерыв.

Если повезёт, то скоро у меня не будет ни перерывов, ни выходных. Любящим, в отличие от техников и педагогов, они не положены. При известной сноровке, особенно если ребёнок не первый, можно использовать для себя детский дневной сон и те минуты, когда техники обрабатывают детей. А нашей Вите, хотя дочка у неё первая, перепадают целые часы, когда я по своей воле гуляю с Эвочкой, так что свободного времени у неё набегаёт больше, чем у меня.

Когда браслет издал сигнал перерыва, я заперлась в своей комнате, повернула регулятор звукоизоляции на максимум и включила тест на большом экране, чтобы как следует рассмотреть видеозадания.

Экзаменуемому предлагались симуляции от первого лица. Вот моя рука держит ручку мальчика, над головой которого светится надпись «ваш любимый ребёнок» (будто это и так непонятно!), и мы шаг за шагом идём на детскую площадку напрямик к самому интересному тренажёру. Эвочка тоже такой любит: ты бежишь, а от вырабатываемой тобой энергии вокруг тебя запускаются голограммы, и чем быстрее перебираешь ногами, тем их больше. Приучают детей к тому, что энергия имеет цену. Но в симуляции место бегуна было уже занято какой-то девочкой. «Мой любимый» мальчик выпустил мою руку и бросился стаскивать малышку с желанной беговой дорожки.

Передо мной всплыли варианты на выбор: «силой удер-

жать любимого ребёнка», «кликнуть любимого ребёнка, но не применять физическое воздействие», «не вмешиваться» и «помочь любимому ребёнку удалить с тренажёра другого ребёнка». Бывает, Эвочка кидаётся драться, – приходится удерживать до тех пор, пока злые крики не переходят в слёзы, а те – в ответные объятия. Ну а что делать? Вита никогда не вмешивается, но, может, она просто не успевает разнять ссору раньше меня. Но нельзя же рассчитывать, что в моей будущей семье примирением детей будут заниматься другие! Иначе всплывал бы вариант «позвать техника или педагога». Должны ли любящие как-то по-особому реагировать на насилие? «Полное принятие» – это аксиома, однако откуда мне знать, до каких пределов оно должно простираться, – я ведь роботова дочка. Но даже если прикинуть Витой сейчас, вряд ли смогу изображать её всю жизнь... Лучше ответить исходя из того, как делаю сама. И всё равно страшно называть выбранный вариант!

Проверка ответов компьютером не должна была занять больше секунды, но если их требовалось ранжировать, то нужно было потерпеть, пока все кандидаты сдадут тест. Я сказала себе спокойно ждать и не дёргаться. От мыслей о результатах отвлекла очень кстати пришедшая ревизия. Сегодня нас проверяла комиссия по закупкам, а я техничка, поэтому возиться с ней выпало мне.

Информацию о контролёре присылают заранее, так что, нажимая на кнопку замка, я уже знала, что посетительни-

цу зовут Ида. Она оказалась ухоженной молодой женщиной в винтажном слитном комбинезоне серебристого цвета. Как по мне, очень неудобная одежда: несмотря на название, его никак не скомбинировать, не то что рукава или штанины, а даже верх и низ не снимаются отдельно. Вот у меня комбез: даже спинка и грудь отстёгиваются друг от друга. У подростков сейчас модно подбирать все части так, чтобы оттенки плавно переходили один в другой, но я-то взрослая – надеваю штанины и рукава того же цвета, что и основа. А цельные ретрокомбинезоны носят те люди, которые могут себе позволить бросить в чистку огромную вещь из-за крошечного пятнышка и вокруг которых всегда обеспечивается настолько комфортная температура, чтобы не хотелось снять хотя бы рукава. А покупать одежду из самоочищающегося материала, в котором не потеешь, ещё дороже, чем часто стирать и платить за климат-контроль. У этой наверняка и проверка осанки встроена, вон как прямо держится. Видимо, комиссия по закупкам не бедствует.

Я повела контролёра по своим рабочим местам. Проверяющая вертела головой, но заметок на планшете не делала. Скрывать мне было нечего: пусть серебристых комбинезончиков с отслеживанием двигательной активности мы детям не покупаем, но все нужные вещи у нас есть. Некоторые ревизоры помимо своей области суют нос в дела других комиссий: приходят смотреть детские рисунки, а заглядывают в кухонные отсеки. Алекс в прошлый раз не удержался:

«Простите, сегодня детское творчество можно увидеть только на большом мониторе в учебном зале, но в следующий раз обязательно положим в холодильник». Эта была как раз из таких проверяющих. Когда мы зашли в игровую, она огляделась, выбрала жертвой Эву, присела на корточки и спросила:

– Тебя не обижают?

Эвочка уткнулась мне в ноги. Я погладила её по голове: когда рядом нет любящего, я могу позволить себе небольшую ласку. Вита была в комнате, но она как раз настраивала что-то в своём браслете.

– У нас дружная семья, – сказала я достаточно громко, чтобы Вита услышала и отвлеклась. – Никто никого не обижает.

– Но почему она испугалась? – требовательно посмотрела на меня контролёр. Почему-почему! Потому что чужому человеку сначала нужно познакомиться с ребёнком, войти к нему в доверие, а не наскакивать с вопросами! Этот пункт есть в экзамене на детские права начиная с категории «А»! Пришла тут незнакомая тётя, понимаете ли.

Проверяющая, видимо, осознала свою ошибку.

– Как тебя зовут? – спросила она, пытаясь заглянуть Эве в лицо, а потом подняла глаза на меня. – Как её зовут?

Я неохотно ответила. Ситуация нравилась мне всё меньше и меньше. Эва объективно не такая очаровашка, как годовалый Марк или пятилетний Кир, которые тоже, между прочим, находились здесь. У неё и глазки маленькие, и волосы-

ки на голове пока почти не растут, это у нашего Марика кудри, а Кир и вовсе блондин с большущими голубыми глазами. Почему же проверяющая вцепилась как магнит с силой притяжения десять кило именно в Эвочку – в застенчивую и нежную девочку, которая бывает весёлой, но только со своими, а чужим кажется ничем не примечательной?

– Она уже должна уметь отвечать на вопрос об имени, разве нет?

Вы проводите инвентарную проверку оснащения игровой, разве нет? Вслух я этого не сказала.

– И вы же не любящая. Где её любящий?

Её какое дело?! С каких пор эта комиссия интересуется специализацией родителя?

– Мы здесь все любим наших детей, – отрезала я. Раз она из закупочников, то вряд ли видела мой профиль и соответственно не знает, что я эмоциональный урод.

– Но её любящий должен безотлучно находиться при ней до достижения трёх лет. А ей сколько? Два с половиной?

– Её любящий находится при ней!

Я оглянулась. Виты, как назло, не было в комнате. Такое случается, ничего особенного, но вот надо же было ей выйти, когда проверяющая прицепилась к Эве. Можно было ответить «в туалете», но Вита могла и через десять минут не вернуться, с ней бывает. Иногда я мечтала о том, чтобы Эвина мама получила замечание за халатность в любви, ведь этот зайчик заслуживает всей любви на свете. Но я уж точно не

хотела, чтобы Вите прилетело от фифы в блестящем слитнике. И взыскание одному родителю означает неприятности для всей семьи.

Зато в игровой была Лина, которая вовсе не обязана была там находиться, потому что её младший, Ян, как раз спал. И, к счастью, она не возилась с Киrom, своим старшим, а настраивала в колонках музыку. Я кивнула на неё. Даже если член комиссии сверится с документацией, не заметит обмана. Из-за моды на имена у нас в семье работают две Виталины: мам Кира и Эвы зовут одинаково, а мы их называем по-разному, чтобы отличать. А если правда откроется, то я скажу, что перепутала любящих и их детей. Кир, Эва – какая разница! Какой с меня спрос? Техники, они такие, детей не различают.

– Но это же педагог? – спросила проверяющая. Ничего не соображает в семейной жизни, а туда же, рвётся контролировать!

– Лин, ты педагог или любящая? – Мне пришлось повысить голос, чтобы перекричать песню.

– Любящая, мы все тут любящие! – весело откликнулась Лина. Это наша с ней шутка: она посмеивается над тем, что я якобы «люблю» Эву. Пожалуй, расскажу Лине про экзамен сегодня вечером, не дожидаясь результатов. Если только она не уснёт от усталости сразу, как уложит Яна и Кира спать.

Я надеялась, что проверяющая наконец переключится на сенсорное оборудование, которое мы недавно обновляли, но

у неё на Эве прямо какая-то системная ошибка вышла!

– Ну поздоровайся с тётей, – сказала она, а потом потянулась сама и успела слегка коснуться пальцем мягкой детской ручки, прежде чем я её оттолкнула. Эвочка, цепляясь за меня, начала подхныкивать, а у меня в голове завизжала сигнализация.

– Отойдите от неё, – сказала я более резко, чем мне положено по должности. – Я прямо сейчас отправляю жалобу на ваше непрофессиональное поведение.

У меня на рукаве есть планшетик для заметок, сказку на нём не включить (техники же не должны развлекать детей!), но зафиксировать нарушение с него вполне можно.

– Нет! – схватила меня за рукав контролёрша. Цвет её лица стал неприятно серым. – Пойдёмте, я ещё кухню не проверила. – Она потянула меня за собой.

Жаль, что трогать взрослых, в отличие от детей, не запрещено. Я подхватила Эвочку и передала на руки Лине со словами «подожди меня здесь, я только уведу тётю и вернусь... ну-ну, пусти-пусти, надо, чтобы кто-то увёл тётю, а после этого я приду, обещаю».

– Не отправляйте жалобу, – сказала мне контролёр, едва мы оказались наедине. Она правда испугалась! У неё это первое задание, что ли?

Я стала перечислять, пальцем рисуя в воздухе галочки:

– Вы не надиктовывали пометки в процессе проверки. Вы не сверили серийные номера нашей интерактивной мебели.

Вы даже не включили свой планшет! И вы прикоснулись к ребёнку. Вы кто?

Чем дальше я говорила, тем страшнее становилось мне самой. Действительно, кто она? Возможно, люди открыли перемещение в будущее с помощью космических путешествий и анабиоза раньше, чем мы думаем, и контакт с пришельцами из другой эпохи происходит именно так. По её поведению можно было предположить, что она никогда не слышала о статье за домогательства к детям и явилась к нам прямоком из эпохи, где считалось нормальным предложить чужому ребёнку конфетку!

Я взялась рукой за браслет, чтобы нажать тревожную кнопку когда понадобится. Хорошо бы у визитёров из прошлого реакция была медленнее, чем у меня, и они не сразу набрасывались. Оружие у них должно быть старомодным и громоздким, а я ничего такого при ней не заметила.

– Я её мать, – сказала проверяющая.

– Чья?

– Эвы.

Ясно – у неё расстройство мышления.

– Вы не мать Эвы, – терпеливо, как учат общаться с психически отличающимися людьми, разъяснила я. Как жаль, что я так глупо обманула её насчёт Виты и Лины и теперь не могла призвать живое доказательство! – Мать Эвы –... Виталина, которая работает в нашей семье.

– Я её родила.

Эвочка родилась не из искусственной матки? Почему-то я сразу поверила. Если бы проверяющая хотела солгать, не назвала бы себя «матерью». Всем же известно, что «мать» – это родитель женского пола, а родитель – это тот, кто воспитывает ребёнка. Для любительниц экстрима, желающих испытать на себе роды, есть какое-то другое название. «Родильница», кажется?

– Я не могла оставить её себе, – зачем-то стала объяснять эта родильница.

Оно и понятно: произведённого тобой на свет ребёнка отдают в семью, а тебе, если захочешь, после сдачи экзамена на любовь дают другого, чтобы избежать непрофессионального отношения.

– Я вошла в комиссию благодаря тому, что сделала крупные пожертвования в Фонд помощи семьям. Если вы пожалуетесь, меня отстранят. Не нажимайте кнопку, умоляю. Я не собиралась причинять ей вред, я просто хотела... Поймите... Я девять месяцев носила её внутри.

Правильнее всего было бы сейчас выставить эксцентричную дамочку из нашего дома: она обманом проникла в семью, преследуя неясные цели. Она напугала Эву! Но я не смогла. Женщина передо мной была не только лгуньей и расфуфыренной богачкой – она была через ДНК связана с Эвой. Я смотрела в испуганное лицо, а видела знакомый излом бровей. Эвочка станет красивой девушкой, когда вырастет. Мне не понять увлечение опасным спортом под назва-

нием «деторождение», но «я носила её» мне как раз было понятно – я сама ношу её каждый день.

– Какая она была внутри?

– Она пиналась в самое неожиданное время, – оживилась Ида. – А могла затаиться надолго, так что я начинала беспокоиться, а потом как толкнётся!

Похоже на Эвочку, да. Она обожает играть со мной в прятки и с хохотом выскакивать из укрытия. Её ровесники обычно прячутся так, что или уши, или пятки торчат, а ей пару раз удавалось скрыться так ловко, что я начинала волноваться.

– Ещё она икала! – сказала Ида с гордостью.

– Она и сейчас икает! – с не меньшей гордостью ответила я. – Как начнёт, так не может остановиться.

С этой женщиной, которая только что казалась мне врагом, у нас вдруг появилось что-то общее и родное нам обоим.

– Я не буду отправлять жалобу. Но вам нельзя с ней видеться. И никому не рассказывайте, кто вы.

– Да, – сказала Ида.

Её лицо было очень красивым, даже если мысленно убрать с него перманентный макияж и вживлённые стразы, и очень грустным. Может быть, мы не встретимся больше никогда: если кто-то кроме меня узнает, что здесь живёт рождённый ею ребёнок, то её отстранят от обследования нашего дома, а если ей удастся сохранить свою тайну, то всё равно проверки из их комиссии приходят раз в полгода и проверяющих постоянно меняют, чтобы избежать злоупотреблений.

– С ней всё будет в порядке, – пообещала я. – Все любят Эву, не только мама.

Ида медлила – должно быть, хотела попросить у меня разрешение ещё раз взглянуть на Эвочку или даже взять её на руки. Но я не хотела подводить зайчика, который остался в уверенности, что я отгоню опасную тётю. Поэтому – нет.

– Вы можете писать мне иногда, как будто в рамках своих полномочий, – спрашивать, регулярно ли мы обновляем обучающие графические программы, и когда у меня будет что вам отправить, я буду изредка присылать вам её коллажи. Только не каждый день.

Ида молча кивнула. Она включила планшет и стала не глядя ставить высшие оценки по всем пунктам, а потом протянула мне заверить.

Когда она ушла, я только успела заглянуть в игровую и увидеть просиявшее Эвино личико, как настала пора разводить ужин, подогревать и кормить, так что не удалось перекинуться с Линой даже парой слов наедине. Жужжание входящего раздалось между «контейнер заезжает в грузовой отсек» (помимо скафандров, у нас водятся и космические грузовики) и «нет, я не перепутала упаковки, можешь проверить на экране холодильника пятничное меню» (в девять лет дети бывают очень въедливыми). Я смогла прослушать письмо, когда убирала посуду. К счастью, кухонная утварь не бьётся, иначе осколков было бы не избежать, потому что тарелка с первых слов выскользнула из рук. Потому что – да.

Меня пригласили на курс переподготовки, по окончании которого я займу вакансию любящей. Мне больше никогда не придётся загружать тарелки в посудомоечную машину. Вся моя работа отныне будет состоять в том, чтобы обнимать, целовать и сюсюкаться.

После уборки на кухне и вечернего туалета детей остались приготовления к завтрашнему дню: нужно было перепрограммировать меню с учётом того, что двоим нашим подросткам назначили дополнительные тренировки и им потребуется больше белка. Пальцы машинально выбирали нужные опции, а мысли были уже в центре профпереподготовки. Учёба, конечно, будет заочной, но вряд ли удастся совмещать её с работой на полную ставку. Хотя, если слушать семинары в большой перерыв, а задания выполнять перед сном – почему нет? Я отгоняла от себя мысль о том, что по окончании курса придётся перейти в другую семью – в ту, где будет открытая вакансия. Это нескоро! Зато там будет маленький – только мой и ничей больше.

Закончив все дела по дому, я пошла в общую зону в надежде встретить Лину, но она, наверное, так утомилась, загоняя непоседливого Кира в кровать, что уже не выберется на наши с ней вечерние посиделки. Зато в кресле свернулась клубочком Вита.

Ей нельзя было рассказывать, кто приходил к нам с проверкой, но кое-что в сегодняшнем дне нужно было обсудить. Я стараюсь удерживаться от упрёков, да и кто я такая, чтобы

учить других любви, однако сейчас разговора было не избежать.

– Вита, послушай, ты чуть не попалась. Отошла от любимого ребёнка во время проверки! Тебе повезло, что мы с Лией тебя прикрыли!

Вита подняла глаза. В её лице не было ни вины, ни раскаяния – только усталость.

– Я не могу элементарно побыть одна! Я не знаю, как дотянуть оставшиеся месяцы до её трех лет. Я на пределе. В этом доме у меня даже своей комнаты нет!

– Как нет, когда есть?

– На двоих с ребёнком, и я не имею права закрыться в ней, чтобы не разрушить привязанность! Ты можешь на любое вторжение рявкнуть: «Меня нет!» – и запереть свою дверь на авторизацию, а мой замок запрограммирован так, что от Эвиных пальцев он всегда открывается. Ты не поймёшь, что это такое.

– Это я-то не пойму? – обиделась я. – Я же беру Эву всегда, когда ты просишь!

– Это не то же самое. Тебе, чтобы побыть одной, достаточно задвинуть дверь. Захотела – закрылась. А мне надо просить, ждать, когда у тебя найдётся время, и гадать, согласишься ты или нет. А, да что толку говорить.

Я привыкла слышать «тебе не понять», но обычно мне говорят это про любовь. Да знаю я, что жизнь любящих – это не отдых на Луне и даже не отпуск в симуляции курорта. Это

круглосуточная работа. Я вижу, как наши любящие устают от любви, все пятеро. Но Вита – отчего-то больше других.

– Если доживу до трёхлетия, уйду в отпуск! На следующий день после её дня рождения!

Эвочка в три года переселится в общую детскую спальню, и Вите можно будет сделать перерыв перед получением из роддома следующего любимого ребёнка. А с такими настроениями она, может, и вовсе уйдёт с работы. Займётся личной жизнью – любящим невозможно завязать отношения ни с кем вне семьи из-за режима работы. А на открытую ставку в семью придёт новый любящий воспитывать нового младенца. А Эва будет получать от мамы поздравления каждый год – если их не отправлять, то любящих в отставке штрафуют. А я в это время буду в другой семье нянчить малыша, которому будет... где-то четыре месяца. Только моего. Любимого.

– Ты ведь не уволишься? – спросила я, уже зная, что даже если Вита ответит «нет», я ей не поверю. А даже если я ей поверю, она может передумать.

У нас дружная семья. Все любят Эву, не только мама. Лина любит Эву. Алекс любит Эву. Второй техник к ней немного слишком строг, но он со всеми так. И я ведь смогу поддерживать с ней связь, это не запрещено!

У Виты запиликал браслет – значит, дочка проснулась и захныкала.

– Вот видишь! – выразительно показала на гаджет Вита. –

Я не могу спокойно в кресле посидеть. Даже ночью!

– Сиди, я схожу, – остановила я её. – Открой только дверь.

Дело не в том, что меня тронули Витины жалобы – мне срочно потребовалось увидеть маленького зайчика.

Вита, не вставая с кресла, отперла замок своей спальни.

Когда Эвочка плачет, она не ревет оглушительно, как Кир, а тихо всхлипывает. Бедный малыш!

– Там тётя...

– Это сон, маленькая. Это только сон, хорошая моя. Вот, попей водички. Ну всё, всё. Я тут. Я подержу тебя за руку, пока ты будешь засыпать.

Может, и хорошо, что я не успела рассказать Лине про экзамен. Как бы я объяснила ей, что собираюсь отказаться от такой карьерной возможности?

Дарья Рубцова. Шиншилла слышит

Очень хотелось курить. Но я знал, что мелкий засранец сразу позвонит матери.

«Мама! Райтинг-коуч нарушает договор! Мама, он нарушает!» Плаксивым голосом, надсадно кашляя.

Я не успею сделать и пары затяжек.

– Ты готов? Диктую.

Он поёрзал на стуле и склонился над тетрадью, как царь Кощей над кучкой поддельного золота.

– Погодите...

– Всё, Ваня, всё. Я диктую. Сначала всю фразу, потом по словам. Начали. Шиншилла слышит шелест голосов... теперь медленно: шиншилла...

Сегодня утром написал стишок. Сто лет не писал, а тут вдруг взял и срифмовал какую-то ахинею. Шелестящую, специально для него: «ши-ши-ше». Пусть помучается.

– Шиншилла слышит...

– Погодите! Я ничего не понял!

– Чего ты не понял? Шиншилла – это...

– Да знаю я, грызун! Пушистый. Я не понял, как это писать.

Ване десять. Он сын известных родителей: американского актёра Джоэла Рока и русской балерины Лили Хохолковой. Золотой ребёнок, усыпанный деньгами и гаджетами. Полу-

чает всё, что попросит, – мать души в нём не чаёт и готова разбиться в лепёшку, а отец... ну, отец далеко и практически самоустранился: не звонит, не пишет. Но зато каждый месяц перечисляет кругленькие суммы. Я был бы рад такому отцу. А вот Ваня не рад. Он вообще редко чему-то радуется, разве что очередному трофею «Ливерпуля».

У Вани врождённое заболевание спинного мозга. И, как следствие, нарушение опорно-двигательного аппарата. Ходит с трудом, не всё хорошо с мелкой моторикой. Раньше и с дикцией беда была, сейчас вроде получше.

А вот учиться он хорошо, этого не отнять. И знает намного больше школьной программы. «Грызун». Не всякий мальчик его лет ответит так быстро, не подключаясь к инфобанку.

– Пиши по буквам. По буквам, Ваня. «Ша», потом «и»...

– Ага! Я начал, и вот! – Он показал мне написанное: «шишшш...» – Я теперь это даже прочитать не смогу!

– А я смогу, шиш. Первые две буквы были верные, а потом ты сбился. Это всё потому что нервничаешь много. Давай заново. «Ша», потом «и», потом «н». Контролируй руку, смотри внимательно, что выводил. Давай, давай, начали. Шиншила...

– Да зачем это надо вообще! – Он бросил ручку. – Такие слова придумываете, чтобы прям нельзя было написать. Ну и хорошо, ну и напишу я. Ну и даже прочту, оки. Я прочту, а больше никто не сможет. И не надо это никому вообще, манускрипты эти разбирать, как будто мы древние люди. Это

всё равно что пиктограммы на стенах рисовать, охотников и всяких там человечков. А потом кричать: «Ой, какой я умный, ой, какой я лэвэлный».

Манускрипты. Пиктограммы. Хорош, чертёнок, и знает, что хорош, хвастается своими знаниями. Хочет произвести впечатление.

– До пиктограмм, Ваня, ты пока не дорос. Пока у нас цель: научиться записывать на слух простенькие строчки. Правильно и без ошибок. И желательно быстро. И пока что мы от нашей цели очень далеки.

– Родион Маркович...

– Всё! – Я повысил голос и грозно посмотрел на него сверху вниз. – Все вопросы и жалобы направляй маме. Если она решит, что не нужно, значит, попрощаемся. А пока всё просто: мама платит, я диктую, ты пишешь. Распределение обязанностей.

Он засопел, надулся. Сгорбился и осел на своём стуле бесформенной кучкой, и без того уже шарообразный из-за лишнего веса.

– Шиншилла слышит шелест голосов...

Никогда не умел общаться с детьми. Хорошо, что у меня их нет.

* * *

– Иван говорит, ты ему какое-то стихотворение диктовал?

Она стояла у окна, обнажённая и ужасно гордая. Сама собой восхищалась и ждала восхищения от меня – поворачивалась так и эдак, по-кошачьи выгибая спину.

– Про какую-то зверушку, да? Которая от собак убегает и прячется. Прочтёшь мне?

– Смотри-ка, а он запомнил. Ну да, про зверушку, усталую глупую зверушку... всё он понимает. И запоминает хорошо. А мне кричал: «Ничего ни панятна-а!» Засранец.

– Эй, ты говоришь о моём сыне! – Она шагнула ко мне, прижалась всем телом. Горячая и живая. Такая настоящая, несмотря на все эти импланты и боди-апгрейды. – Так ты стихо-то своё прочтёшь?

– Да какое там стихо. Просто рифмованный текст для правописания. Ну... Шиншилла слышит шелест голосов и взмахи птичьих крыльев в вышине. И дальний лай за ней идущих псов...

– Какой лай?

– Дальний. Ну далёкий, какая разница.

За последние годы моя профессия изрядно продвинулась. Теперь она даже приносила доход – серьёзный, а не как раньше. Кто-то запустил в сети рекламу – мол, практика рукописного текста отлично прокачивает мозг. «Ваше мышление достигнет нереальной лэвэлности, вы сможете легко и изящно формулировать мысли, запоминать огромные объёмы информации, побеждать в любых диспутах... и ещё многое другое!»

И это был тот редкий случай, когда реклама не врала. Разве что слегка преувеличивала. Правда ведь, прокачивает. И лэвэлность поднимается, и все дела.

С тех пор и началось – клиент пошёл сплошным потоком. Политики, бизнесмены, геймдизайнеры, коучи всех мастей. Селфрайтеры. А потом это просто стало модным, как всякий недавно возникший коучинг – и ко мне потянулись спортсмены, актёры, золотая молодёжь и жёны олигархов.

Но детей... детей в этом потоке было мало. Хотя, казалось бы.

– И дальний лай за ней идущих псов. И треск страниц, сгорающих в огне.

Она поёжилась.

– Не знаю, это как-то мрачно. Почему в огне? Почему книг? Чему ты ребёнка учишь?

– Писать, Лили. Я учу его писать. Ты сама видишь, прогресс есть.

– Это да, – она с готовностью кивнула, – мне кажется, он даже ходить лучше стал. А уж руки насколько лучше! Кружку берёт, чай сам себе наливает...

– Кружку он и раньше умел брать. Просто ленился. Я сейчас даже не о моторике, у него воображение появилось, заметила? Он...

Я задумался. Манускрипты и пиктограммы. Уверен, когда мальчишка произносил это, он видел перед глазами картинку. Возможно, размытую, возможно далёкую от жизни,

но картинку. С каждым уроком он всё лучше воспринимает и запоминает информацию. С каждым уроком всё больше фантазирует. И мечтает. Чёрт возьми, он мечтает, я готов был поклясться.

– Ваня молодец. И ты молодец. – Лили медленно провела рукой по моему животу. Потом опустила ладонь ниже. – И я молодец, что наняла тебя. Какие всё-таки мы все молодцы!

– Точно.

Я позволил ей расстегнуть ширинку на моих джинсах. Сбросил рубашку. Положил ладони на её упругую задницу. А потом наклонился и заглянул ей в глаза.

Там, на дне её глаз, жила птица. Живая и настоящая, запертая в прокачанном по последнему слову техники теле. Эта птица и сделала её когда-то великой балериной. За эту птицу она мне и нравилась.

...и треск страниц, сгорающих в огне...

Во время оргазма она коротко и пронзительно вскрикивала, совсем как птица, пойманная во сне котом.

* * *

– Шиншилла знает, впереди беда: псы догоняют, подступает тьма... написал? Поставь двоеточие после «беда». Дальше мы раскрываем, что это за беда, и перечисляем её составляющие: псы, тьма...

– Это какая-то ерунда! Псы, тьма. У вас всё в одну кучу,

я не понимаю. Ну и вообще, почему беда впереди, а псы и тьма – сзади? Не понимаю я!

– А твоё дело не понимать, твоё дело – писать, Ваня. Давай, давай, тренируйся. У нас занятие не по пониманию, а по рейтингу.

– А если мне не нравится? – Он нахмурился, принялся чертить на бумаге злобные извилистые закорючки. – Не хочу это писать, это депресняк какой-то!

– А что хочешь?

За окном моросил унылый серый дождь. Блёклые змейки вяло скользили по стеклу, и я вдруг вспомнил, что в моём детстве в это время года обычно шёл снег. Холодный, ослепительно белый. Валил с небес мохнатыми хлопьями и устилал всё вокруг сплошным ковром, создавая иллюзию чистоты.

А Ваня никогда не видел снега. И не увидит, наверняка. В Москве теперь морозов не бывает, а дальние перелёты ему противопоказаны. Конечно, можно посмотреть в записи. Но это не то.

– Хочу... ну, не знаю, ничего не хочу. Домой хочу, вот. Ну, или... – Он замялся, явно желая что-то сказать.

– Или?

– Про «Ливерпуль». Я бы написал про «Ливерпуль», как они опять выиграли. Как они попирают всех вокруг много лет подряд. Какие они нереальные! Побеждают и побеждают! Вот, что интересно, а не эти ваши собаки!

Я пожал плечами.

– Ну и что же интересного? Побеждают и побеждают. Из года в год одно и то же. Скучно же.

– А вот и нет! Не скучно! Побеждать – это главное!

– Ясно. – Я отвернулся от окна и посмотрел на него – глаза горят, щёки покраснелись, рыжие вихры торчат во все стороны. – А ты, Ваня? Кого победил? Или что. Какие у тебя в жизни были победы?

Он понурился, потух. Потом прищурился, швырнул ручку на пол.

– Да идите вы! Не хочу я с вами разговаривать. И писать не буду!

– Все вопросы к маме.

Дождь за окном усилился, мир с той стороны стекла погрузился в сумерки.

Мы замолчали.

*...Шиншилла знает, впереди беда:
псы догоняют, наступает тьма.
Ей хочется зарыться навсегда
в тепло норы. И там сойти с ума.*

* * *

Когда он пришёл в следующий раз, у меня в расписании

произошла накладка, и Юн Акира ещё не успел закончить свой урок.

– Присядь пока на диване, подожди. Мы быстро.

Но Ваня меня не слушал.

– Вы... вы же... Акира!

Юн снисходительно улыбнулся.

– Да, а ты?

– Иван! Иван Хохолков! Сын актёра... но это вам не интересно, конечно. Ну, никто. Ученик вот у Родиона Марковича.

Я поморщился.

– Просто Родион, я же просил тебя. С Марковичем сразу становлюсь таким старым...

Юн засмеялся.

– Ты и есть старый, Род. Но ты прекрасный коуч, нам с Иваном очень с тобой повезло. Правда ведь, Иван?

Ваня смутился.

– Да, ну да. Конечно... а вы правда, Юн Акира? Лучший киберарчер всех времён и народов?

– Ну...

– Лучший русский киберспортсмен за всю историю спорта?!

Смех Юна звучал искусственно.

– Не такой уж и русский. А вообще, лезть – удел слабаков. А мы с тобой сильные, да? Подожди немного, мы уже заканчиваем.

Он отвернулся от Вани, и я продолжил диктовать.

– В вагоне люди сидели нахохлясь, сонно покачиваясь. Чёрные стёкла были в мелких, частых каплях дождя, будто сплошь подёрнутое бисером звёзд ночное небо...

Юн склонился над листком бумаги, выводя слова медленно, с чувством собственного достоинства. Немного рисуясь перед почтительно замершим у дивана Ваней. А тот даже дышать забыл – тарачился с восхищением, по-дурацки приоткрыв рот.

– Трамвай трезвонил и трогался, и в мокрых стёклах дробился блеск фонарей, и я ждал с чувством пронзительного счастья повторения тех высоких и кротких звуков. Удар тормоза, остановка, – и снова одиноко падал круглый каштан, – погода падал и второй, стучаясь и катясь по крыше: ток... ток...

Юн дописал, поднял голову, вопросительно глядя на меня.

– Это всё.

Он быстро кивнул, прикрыл глаза. Ну да, конечно. Вроде как и сам уловил финальные интонации, а теперь вникает в услышанное, вдохновляется.

– Прекрасный рассказ. Это Набоков, Иван, великий русский писатель. Вот он на самом деле лучший, вот им стоит восхищаться. А не мной. Рассказ «Благость», обязательно прочти или попроси Родиона подиктовать тебе как-нибудь.

Я поморщился.

– Рано ему ещё. Да и не захочет. Ваня у нас больше любит про футбол писать. Да, Вань?

– Нет, я... почему... а про что рассказ? – Он подошёл ближе и наморщил лоб, вглядываясь в написанный Юном текст. – Я понял, что в конце там каштан упал на кого-то. А потом?

Юн снова засмеялся.

– Рассказ не про каштан. А про красоту каждого мгновения. Там по сюжету один мужчина расстался с женщиной. А потом попросил её снова увидеться. И вот он стоит, ждёт её, а она всё не приходит. На улице осень, холодно, дождь моросит, каштаны падают. А женщины нет.

– Ага, Родион Маркович любит такое. Чтоб прям мрачненьк.

– Да нет же. Ты послушай. Стоит он, ждёт и видит старушку, которая торгует открытками. Она тоже мёрзнет, никто эти открытки не покупает и...

Он замолчал и вздохнул. Видимо, устал рассказывать. Ох уж эти спортсмены.

– Да-да, Юн, – поддел его я, – и что же дальше?

– Дальше один солдат угостил её кофе, она попила, согрелась. Подарила солдату открытку. И герой понял, что... ну её, эту женщину, чёрт с ней. Не пришла, и ладно. Жизнь и без неё хороша.

– Чего?! – Ваня вытаращил глаза. – Погодите! Он что, со старушкой теперь решил... это самое?

Акира раздражённо крикнул.

– Нет. Рассказ не о старушке и не о женщинах вообще. А о красоте. О том, что нужно искать прекрасное в каждом дне жизни. Ну, ты когда считаешь, сам поймёшь... – Он быстро встал, протянул мне руку. – Что ж, спасибо, Род. Это было прекрасно. Мне пора и... – оглянулся на Ваню, – удачи вам с юным Иваном.

Когда он уже стоял в дверях, Ваня всё-таки решился спросить.

– Послушайте, мистер Акира, а зачем это вам? Я имею виду, рейтинг. Вы же отлично двигаетесь и стреляете точно, и...

Юн прищурился. Сложил руки на груди.

– А ты знаешь, что в древнем Китае в лучники брали только каллиграфов? Тех, кто умел рисовать иероглифы. Как думаешь, почему? Я тебе скажу. Потому что выпущенную стрелу не вернёшь обратно. Как и штрих на бумаге. И вот умение концентрироваться, делать всё чётко, раз и навсегда, без переделок – оно и приобреталось с искусством каллиграфии. – Он помолчал. – В сети пишут: «Акира никогда не промахивается». Так вот, может, потому-то я и не промахиваюсь никогда, что хожу на занятия к Роду. Как лучники и великие воины древности.

– Кажется, он по-настоящему привязался к тебе. – Она лежала на боку, сложив на меня ноги и уткнувшись носом в мою шею. – Хотя, что удивительного. Отца у него, считай что нет. А ты мужчина, взрослый, умный... ох, как же Ване трудно без отца, если бы ты знал!

– Ничего не трудно. Отлично без отца. Я знаю.

Лили приподнялась на локте, пристально уставилась мне в лицо.

– Это тебе так кажется. Что всё легко. А ребёнку... вот будет у тебя свой – поймёшь.

– Не будет.

– Почему?

Я немного отодвинулся. Потом встал, повернулся к ней спиной.

– Потому что я не хочу.

И ежу было ясно, к чему этот разговор. Но до сих пор мне удавалось прерывать беседы, как только тема становилась опасной.

– Послушай... давно хотела предложить тебе... да всё вот не решаюсь...

Похоже, сегодня Лили была настроена серьёзно.

– Переезжай ко мне. А что, дом у нас огромный, места полно, оборудован по последнему слову, а не так, как твоя

эта развалина. И Ваня будет рад. А что...

Я быстро повернулся к ней, лёг обратно; обнял, прижимая к себе.

– Я одиночка. Одиночка, Лили. Не умею ни с кем ужиться. И не люблю никого. И детей не люблю.

– А...

– Тебя люблю. Но не так. Не так, понимаешь? Это плохая идея. Даже если ты будешь танцевать для меня каждый день, я скоро возненавижу тебя. И твоего сына. Потому что не выношу постоянного присутствия посторонних. Не выношу.

– А...

– Забудь... забудь...

Некоторое время она ещё пыталась что-то сказать. Потом коротко выдохнула и застонала.

* * *

*Она уснёт. И шелестом шелков
её укроет равнодушный снег...*

Его звали Геннадием, но представлялся он всегда как Генно. С ударением на первый слог. Уж не знаю, на что тут был намёк, на гения или гены.

Интеллигентный, вежливый. С вечной улыбочкой на тонких бледных губах.

Когда я увидел его в первый раз, то сразу подумал, что Гено – отличная возможность для Лили.

Богатый, статусный. Очки в золотой оправе, дорогой парфюм и вычурная бородка. Полноценная замена брутальному пожилому актёру. С одной стороны – его полная противоположность, с другой – ничуть не уступает ему в классе.

Я познакомил их как-то вечером, специально задержав Ваню и попросив Лили забрать сына самой – уже поздно, а вдруг такси-кар сломается?

Когда она приехала, Гено как раз прибыл на свой урок.

Точно не знаю, чем он занимался по жизни – политикой или криминалом, но деятельность эта приносила ему доход и оставляла достаточно свободного времени. Они понравились друг другу с первого взгляда. И немедленно принялись ходить на концерты, выставки и прочие подобающие статусу мероприятия – неистово и страстно, стремительно вращая друг в друга.

Довольно быстро она перестала звонить мне, и вопросов я не задавал.

* * *

– Ты когда-нибудь видел снег?

Он равнодушно кивнул.

– Сто раз, а что?

– Я имел в виду, по-настоящему.

Ваня насупился.

– Да какая разница, по-настоящему или нет. Я знаю, что он холодный и белый.

– Холодный и белый! – передразнил я насмешливо. – Ничего-то ты не знаешь, Ваня. Когда идёт снег, ночи становятся светлей – свет отражается от снега, и можно даже не зажигать фонарей. А когда утром после снегопада ты выходишь на улицу, то он скрипит под твоими ботинками, и этот звук ни с чем не перепутать. И никогда не забыть.

– Ну и что, ну и скрипит. Сейчас послушаю и запомню...

– Забудь. Всё равно ничего не поймёшь. Так, продолжаем урок...

– Погодите! – Он откашлялся. – Я по поводу того стишка, про шиншиллу, помните? Я тут подумал... а чем там всё закончилось?

– Не понял?

– Ну, про шиншиллу. Она там в нору залезла... или захотела залезть. И решила спать. Ну и? А что дальше?

Я откинулся в кресле, уставился на потолок.

– Дальше, Ваня, я пока не придумал. Это был короткий стишок, специально для тебя, упражнение. Но если хочешь... Она уснёт. И шелестом шелков её укроет равнодушный снег.... Который... э... шелков...

– Да дался вам этот снег! – Он гневно подпрыгнул на стуле.

Я усмехнулся.

– Который некий Ваня Хохолков ещё не видел. Глупый человек!

Он взял ручку и принялся записывать, хотя я и не просил его об этом. Потом задумался.

– Нет. Ерунда полная. Сами вы глупый. И вообще. Снег укроет – значит, она умрёт что ли? Ну уж нет.

– А как бы ты хотел?

– Она должна победить. Всех. Собак и всех, кто идёт за ней.

Я улыбнулся.

– Как «Ливерпуль»?

– Как «Ливерпуль», – подтвердил он серьёзно и внимательно посмотрел мне в глаза.

* * *

Она позвонила, не решившись встретиться лично, и голос её заметно дрожал.

– Мы с Гено тут подумали... и решили. Ване больше не нужно продолжать занятия. Прогресс есть, ты сам видел. И он вполне способен заниматься дальше сам. Точнее, с другими коучами...

– Сам, сам. Именно сам, хорошая идея. Правильная. Это Гено придумал?

– Почему Гено? – Она замаялась. – Мы вместе. Ты тоже считаешь, что он может продолжать самостоятельно? Хватит

ли мотивации...

– Хватит, – успокоил её я, – а если не хватит, сам будет виноват.

Лили помолчала.

– В любом случае, мы же оплатили за месяц вперёд. Ещё два занятия у вас есть...

Я поблагодарил и попрощался.

...глупый человек...

Ну и кто из нас был глупее?

* * *

На следующее занятие он не пришёл. Лили прислала сообщение, что сын болен, а я не успел изменить расписание. Появилось окно, я не знал чем себя занять, и вдруг, как-то само собой так вышло, решил посмотреть футбол.

Сто лет не смотрел, и вдруг – на тебе.

Меня всегда удивляло, как этот вид спорта так долго продержался на вершине популярности. Сейчас, когда у нас есть скайскейтинг, арчинг и сотня направлений киберспорта. Удивительно. Возможно, свою роль играли древние инстинкты – футбол в каком-то плане приближал нас к гладиаторским боям.

Форма игроков «Ливерпуля» была алой, как кровь. Забивая голы, они рычали и ухали, верещали и подпрыгивали, потрясая над головами сжатыми кулаками. И древние рим-

ляне на трибунах вопили и алкали крови.

На экране визора появился фанатский сектор – молодые люди, все как один, радостно повторяли жест римских патрициев. Я вздрогнул и невольно привстал с кресла.

Толстенький рыжий мальчишка. С торчащими во все стороны вихрами и красными пухлыми щёчками.

Совсем один, как мне показалось. Без взрослых.

Он исчез, изображение снова сменилось голеадорами в алых майках, а я глупо застыл посреди комнаты. Сердце моё лихорадочно стучало.

* * *

– Я придумал.

Это было последнее занятие. Ваня принёс с собой огромный рюкзак, но оставил его в прихожей.

– Что ты придумал? – У меня из головы всё никак не шёл увиденный на экране мальчишка.

– Сочинил. Я сочинил продолжение того стиха про шиншиллу, нормальное продолжение. Без мрачняка.

Он набрал в грудь воздуха, напыжился и с пафосом произнёс:

– Но нет, шиншилла не из таких! Она уже не будет отступать! Она сильна, живее всех живых! Всех победит и будет хохотать!

От неожиданности я засмеялся.

– Да, вот так вот! – Ваня радостно подхватил мой смех. – Вот так будет смеяться над врагами. Ха! Ха!

– С чего ты взял? – спросил я, улыбаясь. – С чего ей смеяться?

– А с того, что она победит! И будет всегда побеждать! А смеётся хорошо тот, кто последний. Вы сами говорили.

– Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним, – поправил я машинально. – Что ж. Резонно.

– И это ещё не всё. – Он уставился на меня блестящими глазами и покраснел. – Я ещё кое-что сделал. Купил её. Шиншиллу. Ну, мама купила.

Он сбегал в прихожую и принёс рюкзак – это оказалась переноска для транспортировки животных. Когда Ваня растянул молнию, на дне переноски я увидел пушистого серого зверька.

– Вот. Это Миха. Это он, шиншилл, – пояснил Ваня, гордо улыбаясь. – Он теперь всегда со мной. Вместе будем...

– Побеждать? – подсказал я и почувствовал, как сердце в груди опять суетливо забилось.

Он кивнул.

– Побеждать!

И яростно потряс над головой кулаком.

– Ты ведь не заболел прошлый раз. Ты ходил на футбол? – спросил я, немного помолчав.

Это был риторический вопрос.

Через пять лет я снова встречу его. Возмужавшего, похudevшего. Высокого рыжего юношу с горящими от волнения щеками. Встречу на курсах подготовки кадров для Роскосмоса, куда заеду за одним из учеников.

Я сначала не узнаю его. А когда узнаю, не буду знать, что сказать. И поэтому выдавлю первое, что придёт в голову:

– А я думал, таких как ты в космонавты не берут.

Он усмехнётся.

– Ну, я же не в испытатели. У меня свой путь.

Потом я спрошу про Миху, он помрачнеет.

– Миха умер. Но жизнь прожил хорошую, достойную. А вы как, Родион Маркович?

– Я не умер. Но жизнь пока тоже хорошая. Достойная меня.

Мы посмеёмся и попрощаемся.

Но это будет только через пять лет.

А пока я стоял и курил в окно, наблюдая, как толстый мальчик ковыляет по дорожке прочь от моего дома. Хромая и игнорируя припаркованный у подъезда такси-кар.

И думал, что назвать ребёнка Ваней было бы, конечно, слишком сентиментально. И я так никогда не сделаю, даже если и обзаведусь когда-либо сыном.

Мальчик обернулся и замер, глядя на меня. Поднял вверх

руку со сжатым кулаком. «Побеждать!» – прочитал я по губам.

И вскинул кулак в ответном приветствии.

Антон Дождиков. Профессионалка

Разминочная комната. Окна из пуленепробиваемого стекла, занавешенные тяжёлыми багровыми шторами. Слабое освещение от диодных трубок на потолке. Мягкая, густая и липкая полутьма внизу. Устало шуршит настенный кондиционер. Лёгкий аромат хлорки.

Звук моих глухих шагов отражается от стен и гаснет, растворяется в помещении. Ступаю легко, медленно, как кошка. Пружинящий пол – татами. Передо мной висит на канатах имитация обнажённого человеческого тела в полный рост: глаза-бусинки раскрыты, рот скривился в беззвучном крике.

Я разогреваю суставы и связки. Медленно и с усердием. Сначала шею, потом кисти, локти, плечи. Вращаю корпус, вправо-влево. Перехожу к коленям и ступням.

Делаю растяжку – руки, ноги. Позы «собаки», «младенца». Пружинящие выпады.

Перед работой разминка – обязательная процедура. Гибкость, сила и точность – моё профессиональное кредо и «бади скиллз».

Расслабляю мышцы после статической нагрузки и восстанавливаю дыхание. Подхожу к манекену.

На деревянной полочке у свежоштукатуренной стены разложены кинжалы и мечи всех форм и размеров: от маленького перочинного ножика до «гросс-мессира», которым

можно орудовать двумя руками. Неоновый свет отражается в их наполированных до блеска лезвиях.

Беру кривой казачий «бебут». Примериваюсь. Имитирую колющие удары. В сердце, в печень. Хватаю рукоять обратным хватом и одним резким взмахом перерубаю манекену сонную артерию.

Брызжет струёй кровезаменяющая жидкость.

Смотрю – разрез чистый, края ровные и без зазубрин. Совершенство!

Тренировка окончена.

Я довольна. Беру с полочки вафельное полотенце. Утираю липкий солёный пот. Бросаю на пол – дежурная смена приберётся.

Вот так же легко и просто я убиваю тела живых людей. И делаю это осознанно. Мне хорошо платят. Есть страховка, полный соцпакет, льготы для всех членов семьи. Московская прописка. Регулярное повышение квалификации и профессиональная переподготовка. Нет, конечно, досрочного выхода на заслуженный отдых, но в наши дни – это совсем не актуально. Как, впрочем, и сама архаичная пенсионная система.

Зачем убиваю? – сложный вопрос. Сначала я думала, что просто нравится. Всё это глубоко личное, наболевшее. Помните школу, старшие классы, «первый раз»? Да-да, всё происходит из прошлого жизненного опыта. Любовь, боль и кровь. Прямо после подготовки к сдаче ЕГЭ в кабинете био-

логии.

По-настоящему «первый раз» у меня было с Наташкой. Тогда так было модно. Романтик!

Шли с ней по жизни много лет. Сходились, расходились, спорили, ссорились, меняли мужчин.

– Почему именно женщина должна убивать? – спросите вы. Отвечу без утайки. – Мужики от этой работы сходят с ума идохнут как мухи. Слабые. Неприспособленные. Боятся чужой боли, криков и крови.

Обычно я прихожу на службу к десяти. Проклятые подмосковные пробки! Другие сотрудницы – к одиннадцати-двенадцати. Наташка-фанатка сейчас пашет в третьем секторе, а потому является в восемь. Старается, сучка-стахановка, всё ещё хочет меня уесть. Я тоже хорошо делаю свою работу, но естественно, без выпендрёжа. А ей подавай свежак, новые эмоции, соревнование и конкурентную борьбу.

Захожу в свой рабочий кабинет.

Закопчённое пыльное окно. Наполовину приспущенные тяжёлые жалюзи. Репродукция Бориса Валеджио на стене с крылатыми культуристками, дерущимися с рептилоидами. Стол, заваленный бумагами и папками. Гранёный стаканчик с мёртвыми пластиковыми розами. Допотопный компьютер, наверное, поросший мхом. Металлический шкаф. А вы что, хотите «Икею»?

На стальных крашенных серебрянкой створках – портрет сэра Роджера Пенроуза на фоне чёрно-белой фракталь-

ной мозаики, под ним лозунг с яркими печатными буквами: «Теория объективной редукции всесильна – потому что она верна!»

Открываю ржавым ключом скрипучий замок. Вешалка. Ворох маскарадных костюмов, пересыпанных нафталином. Отдельно висит чёрный шёлковый балахон с глухим капюшоном. Внутри – тряпочный мешочек на ниточке, полный лаванды. Свежие, пахнущие вездесущей хлоркой сандалии. Коса на гладко отполированном древке стоит в отдельной секции.

Беру точильный брусок. Провожу по лезвию – звенит! Достая бумагу и пробую остриё.

Класс! Теперь у меня два аккуратных листика. Стороны идеальные, без заусенцев.

Раздеваюсь. Но вы не подсматривайте!

Нет, не подумайте чего лишнего, ведь я же женщина, хоть и замужняя – и всё при мне. Но вот так вот изливать душу неизвестному человеку и тем более не «клиенту»... Не каждая из моей профессии решится. Особенно в наши дни, когда минкульт и полиция нравов... ох, не будем о запретном!

Надеваю балахон. Часы над входом отбивают десять.

Выскакиваю за дверь.

Наташка! Сучка крашенная в латексной униформе и на каблуках. Сегодня она всё-таки опаздывает. Видимо, шлялась где-то все выходные. Улыбается стерва, хихикает.

– Маша, я тебя прямо люблю! Ты только представь себе!

Вчера он, он... – Похотливая тварь аж зарделась.

– И я тебя, милая! Давай на обеде у девятого цеха, – прерываю я её излияния.

– У разделочного? – Моя «бывшая» хлопает своими бесстыжими бельмами.

– У разделочного! Ну все, чмоки-чмоки! – и убегаю.

Меня должен ждать «клиент». До обеда он у меня один. Так что можно не торопиться. Я бы попила чай. Свой любимый, с бурятской шаманской травкой. Но напиток слишком бодрит. В последнее время много нервничаю. Может дрогнуть рука, и чистого убийства не получится.

Захожу в «предбанник» своего рабочего цеха. Уютно обставленное барной мебелью и обитое пробкой помещение без окон с тёплым, тщательно подобранным натуральным светом галогеновых ламп. М-м-м, так хочу загорать!

Вот только баннер на стойках посреди комнаты: «Да здравствует теория объективной редукции волновой функции мозга»! – мешается. Я его куда-нибудь приберу, хоть и начальство запротестует.

«Клиента» ещё не привезли? Странно!

Открываю компьютер. Смотрю заказ-наряд на сегодня. Пусто. Только в окне состояний мигает надпись: «Ожидается новая задача». Тупой «Метасофт Проджект»! Всегда выступала за традиционную бумажную бюрократию без всех этих нововведений от зануд-айтишников.

Наливаю в чашечку из автомата бескофеиновый кофе,

присаживаюсь на обитый искусственным мехом стульчик, вдыхаю тщательно имитированный аромат и вспоминаю...

* * *

В школе я училась на отлично, в институте тоже. Перфекционистка конченная. Первая работа – секретуткой в том же институте «Нефти и газа». Потом постмапдемийный кризис двадцатых, автоматизация бизнес-процессов и массовое сокращение всех «секретных уток».

Новую профессию освоила быстро, помогли полугодовые курсы профессиональной переподготовки и протекция от профсоюзной ячейки. Вначале у нас шла теория и всякие мудрёные словечки: «межсуществование», «параллельное подключение», «нейрошунты», «оркестрирование», «мембранные белки», «инициирующий импульс разрушения обратной связи», та же «объективная редукция». Потом – практика, изнурительные и изошрённые тренировки. Первые дела, «клиенты». Годы спустя – заслуженные награды и почести, выслуга лет.

У всех новичков так бывало, будто впервые сидишь за рулём машины и хочется похулиганить. В профессии без году – век, и начала выделяться, прямо как сейчас выкобенивается Наташка, которая пришла в нашу контору позже и по моей рекомендации (точно тогда дурой была – пригласила «бывшую» на свою голову).

Я тогда ещё не работала с косой. Предпочитала меч а-ля «палач из Лилля» и мушкетёрский балахон с кружевными панталонами. Ходила в спортзал, занималась кроссфитом, чтобы совладать с пудовой железкой. Много пахала и сильно уставала.

«Клиент», а мы всегда называем своих подопечных «клиентами», попался тогда на удивление не старый. Жилистый и мускулистый мужик лет пятидесяти. То ли в своё время стероидами обжирался, то ли такой от природы. Шея – как у быка. Начальство типа по блату сплавило. Внесло изменения в производственные таблицы и подсунуло мне. «Метасофт» тогда не прорастил свои зловонные корни в наше ремесло.

– Ты, Маша, у нас самая аккуратная. Весь план, вся пятилетка на тебе держится! – упрашивал Софрон Тимофеевич. – Пойми, я тоже человек подневольный. Мне сверху скажут – я и под козырёк. Ну, бога ради, молю тебя, сделай чисто! А за сверхурочную отгул дадим и премию выпишем. Квартальную.

Махнула рукой, согласилась.

Я тогда обитала в зале, стилизованном под жуткую помесь подвала «Гестапо» и средневековой инквизиции. Только без портретов бесноватых фюреров и бритых инквизиторов на стенах. Пыточные инструменты, компьютеры, четыре рабочих места на случай внепланового аврала или, как у нас говорили, – «оргий».

Крепыш в одиночестве висел на дыбе. Руки вывернуты в

суставах. Ноги зажаты в «испанских сапогах». Новодел, конечно, но где же достать оригинал!

Зубы стиснуты. Того и гляди кляп перегрызёт. Глаза выпучены и налиты кровью. Вены на теле вздулись. И ежу понятно, «клиент» почти дошёл до кондиции.

Подошла ближе. Проверила контакты – высокоточные дата-кабели в медной оплётке вставлены в аккуратно проделанные отверстия в затылке и позвоночнике жертвы. Шлем с электродами пристёгнут. Нейроразъёмы смазаны спиртом, аж блестят в холодном свете люминисцентных ламп. Жгуты проводов собраны в пучок, толщиной в мою руку, и уходят за стену в соседний цех.

Техническая бригада у меня хорошая, всё время со мной кочует, две подружки – Светка и Катька, рыженькая и пухленькая. Девочки вовремя подготовили и загрузили систему. Я проверила на мониторах данные – везде ровный зелёный свет.

Надо девок пристроить на курсы повышения квалификации. Так сказать, растить молодое поколение, новую смену. Засиделись в подмастерьях.

Сбросила балахон. Вынула из ножен меч. У «клиента» реакция нормальная. Предсмертный страх и половое возбуждение. Типа стояк у него на бодибилдерш. Хорошо. А то ведь некоторых нужно «виагрой» накачивать! А иногда приходится тащить экзекутора его же пола, а таких по всей нашей державе с её «духовными скрепами» лишь с десяток набе-

рётся. Да и то они больше по заграницам шатаются. Гастролируют на «Еврови... то есть на «Евроинквизиции». Разумеется, в порядке обмена опытом и распространения инновационных практик.

В нашем палаческом деле задушевные разговоры приветствовались. «Клиент» должен дойти до вышеозначенного состояния. А люди же разные попадались: одним бронелифчика и получасовой порки достаточно, другие заводятся только на эльфийских принцесс с изощрёнными гномьими пытками, третьим нужно читать любовную переписку Ленина, Крупской и Инессы Арманд, прибегать к посторонней помощи и работать с подручными, изобретать «тройничок» или «квартет». Вот и приходилось импровизировать, перевоплощаться, работать то по системе Станиславского, то по Чехову, становиться сначала Наташей Ростовской, затем – Джулией Стрейн. В нашем ремесле всегда практиковался индивидуальный подход, да и творческая жилка приветствовалась.

Ещё раз проверила показания приборов.

Всё в порядке. Индикаторы в зелёных зонах, отклонения на энцефалограмме в пределах контрольных значений.

– Хм, простите, а как вы делаете подход на бицепс в кроссовере? – вежливо поинтересовалась я, отсоединяя «клиенту» резиновый кляп. – Классика, три-четыре подхода по десять – пятнадцать повторений? Или форсированный, с уменьшенными весами и до отказа?

– Только классика. Делай акцент на базе: становая, при-

сед, жим, – хрипел «клиент».

Это так мило!

– Не поделитесь секретом?

Мы болтали о негативных повторениях, дропсетах и суперсетах. Я тогда окончательно и бесповоротно влюбилась, почуяла близкую душу, что иногда бывает с нами девушками. И – дёрнул же чёрт – спросила:

– Полгода тренируюсь по системе Саши Питерского. Плато. Нет прогресса. Что посоветуете? «Метандростенолон» или «Туринабол»?

– Что! Да как ты посмела! Я – натурал! – завершал мой подопечный и принялся биться головой о фиксирующие цепи. Аж звон пошёл.

Ещё пара секунд – и контакт, как ментальный, так и физический был бы потерян!

Взмахнула мечом. Ударила изо всех сил.

Неудачно.

Фонтан крови. Бьющееся в судорогах тело с головой, отсечённой наполовину.

Лихорадочно ударила по кнопке аварийной реанимации. В камеру вбежали Катька со Светкой, за ними причитающий Софрон Тимофеевич:

– У-у-у, злыдня, у-у-уволю! Ты же мою тринадцатую зарплату запорола! Это же был Пётр Пампа-Порфирьевич, начальник телеологического отдела министерства здравоохранения!

Ну что было сказать? Накосычила – и ежу понятно. Тяжёлый меч-эспадон требует не столько силы, сколько точности в применении.

Мне тогда повезло. Реаниматоры – молодцы, справились, воскресили Пампу-Порфирьевича. Пришлось поставить им ящик водки-зубровки.

Повторную процедуру с «клиентом» проводила Наташка. Уж не знаю, в каком образе, но с тех пор я её и ненавижу. Набивается вновь ко мне в подружки, а сама... я её знаю, змею подколенную. Знаю, куда и на кого она глаз положила. Уж много лет прошло, а помнит, стервень.

* * *

Хватит о грустном. «Метасофт» ожил, поползли загрузочные данные на дисплее.

Сегодня меня опять ждёт «клиент». Мой любимый «клиент».

Встаю из-за стола, иду навстречу технической бригаде.

Я прямо плыву по белоснежному коридору между залами. На душе легко и приятно, бабочки в животе порхают. Хочется петь.

Навстречу мне бежит Софрон Тимофеевич, цепляет плечом и чуть не роняет кофейный автомат. Медальки и крестики брякают на чёрной начальственной униформе. Красная повязка с эмблемой нашей конторы на руке сбилась. Усики

возбуждённо топорщатся. Фуражка сидит набекрень. Наш группенфюрер запыхался, рукой хватается за свою тощую грудь:

– Я-я-я пытался, я хотел её остановить!

– Кто? Что? – недоумевающе переспрашиваю нашего заведующего сектором.

Ох! Сердце пропускает удар.

– Наташка хочет убить твоего мужа!

– Что? Коза! Опять за старое? – ору я и, отталкивая начальство, прибавляю ходу. Зову подручных. – Катька! Светка! За мно-о-о-ой!

Девки быстро смекнули, что происходит что-то неординарное. Катька хватает медицинский саквояж. Светка на ходу звонит по внутренней связи реаниматорам.

Вместе бежим по коридору. Коса у меня в руках. Полы балахона развеваются. Встречные коллеги и сотрудники «Сколково мазохистикс» шарахаются в стороны.

Пробегаю очередь старшекласниц в аккуратных чёрных кружевных передниках поверх обтягивающих комбинезонов телесного цвета. Детки пришли на экскурсию.

Дверь пыточной заперта изнутри.

Смотрю в окошко.

Наташка, сучка латексная, застыла в позе лебедя с боевой секирой. Косплеит приснопамятную Джулию Стрейн по полной. Плагиаторша!

«Клиент» уже подключён. Процедура запущена.

Ломимся в дверь – без толку! Морёный дуб с металлическими креплениями-стяжками. Над косяком издевательский агитационный плакат: «Не допустим коллапса волновой функции системы за счёт гравитационных эффектов на микроуровне!» – и улыбается вездесущий доктор Пенроуз.

Школьницы-экскурсантки отталкивают друг друга и подвывают от восторга и возбуждения. Лезут к бесплатным зрелищам, не предусмотренным в программе профориентации.

Отстраняю Тимофеевича и своих девчонок. Вставляю лезвие косы в дверную щель.

– Прости, милая! – шепчу косе и плачу. Ведь это мой приз, мой трофей и палаческий символ высшей квалификации, полученный на профсоюзных соревнованиях «Солидарность-2137».

Налегаю на рукоять.

Стальная подруга выдержала. Погнулась, но выдержала.

– Спасибо! – шепчу сквозь слёзы. Выбиваю вовнутрь отжатую и приподнятую дверь.

Натаха с топором. Я – с косой. Сближаемся. Шаг вперёд – и прыжок вбок.

Нырок. Смена стойки.

Начинаем кружить друг против друга. Кто дрогнет? Кто первый ошибётся в дистанции?

Катка со Светкой визжат. Софрон Тимофеевич становится на корточки и пытается спрятаться за медицинским чемоданчиком. Крестится наш группенфюрер и багровеет то ли

от религиозного рвения, то ли от страха за свою квартальную премию.

Мой Петенька в экстазе. Лампы на контрольной панели горят фрейдистски-зелёным цветом. Все рычаги и тумблеры приведены в боевое положение. Возвышенно торчат.

Натаха размахивается и бьёт мужа секирой в грудь.

Я – быстрее! Парирую косой.

Сталь ударяется о сталь.

У Петра – лишь царапина.

Разворачиваюсь, раскручиваю оружие, и как учили на инквизиторских курсах повышения квалификации в Испании, бью древком косы соперницу по затылку.

Всё! Тушите свет! Стерва повержена.

Софрон Тимофеевич щупает у Наташки пульс, Катька со Светкой раскупоривают пузырёнок нашатыря. За выбитой дверью – орава реаниматорш. Подшучивают, ёрничают, отпускают сальные шуточки.

Конкурентка будет жить. К несчастью.

Эх, не та уже силушка! Надо опять в спортзал записаться.

Хватаю косу и с криком: «Кийя!» – всаживаю остриё в грудь Петеньке. Вторым ударом, отточенным многолетней практикой, перерубаю мужу сонную артерию.

– Чистая работа! – проникновенно произносит запыхавшийся Софрон Тимофеевич и сгибается в рвотном позыве.

Правильно. Мой муж – моя добыча! Министерский трофей. Никому не отдам!

Устало сажусь на кресло. Дело сделано. Стаскиваю со стола рекламную брошюру нашей конторы. Обмахиваюсь ей как веером.

Весело гогочущие реаниматорши увозят на каталке Наташку, начавшую приходить в себя.

Школьницы порываются ко мне за автографами. Охрана в белой униформе (где ж вы были раньше, уроды?) с жёсткими подушками выталкивают младое поколение из камеры.

Катька со Светкой берут Софрона Тимофеевича под белы ручки и ведут отпаивать в коньячную комнату. пытки и казнь – не мужское зрелище. Решено! На неделе подпишу им рекомендацию на стажировку в Таиланде. Будут тренироваться в образах суккубов в нашем филиале.

Когда-то компания «Сколково мазохистикс» из маленького стартапа выросла в мирового монополиста, но и по сей день нуждается в свежих, инициативных кадрах. И сейчас мы несём боль и счастье всему миру. Мы – глобальные монополисты. Я говорю «мы», потому как каждый сотрудник организации в зависимости от должности получает долю акциями компании. И помимо квартальной премии и тринадцатой зарплаты имеет ещё и дивиденды. Отменная мотивация, согласитесь!

За спиной возятся с дыбой сотрудницы девятого разделочного цеха. Стаскивают мёртвую плоть, дезинфицируют нейроразъёмы. Завтра здесь поместят нового «клиента».

А я сижу. Закурила бы – но на работе нельзя. Впрочем,

дел на сегодня больше не будет. Можно тыпнуть стопарик зубровки.

Потягиваю через соломинку напиток. С таким напрягом стоит перейти на спирт-денатурат. Читаю от скуки брошюрку:

Корлисса Ламонт. «Введение в прикладную имморталогию».

Согласно сэру Роджеру Пенроузу и теории «объективной редукции» невозможны «фиксация» или «стопорение» сознания с целью сканирования и перезаписи на другой носитель...

Почти засыпаю. Только очкастые зубрилки могут писать такую заумь. Наше дело – практика!

Однако ж бред бредом, – а работает! Сама проходила процедуру три раза, но нам женщинам, а тем более сотрудницам «Сколково мазохистикс», проще. А муж – целых четыре. Он у меня умный: не валяется без дела в нейрошунтах. За три с лишним года, чтобы нарастить нейронные связи в своей новой головшке, освоил четыре языка программирования, получил пятое высшее образование и Executive MBA. В здравоохранении таких ценят – не сегодня-завтра станет замом министра.

Сижу в кресле. Жду, когда из соседнего цеха на каталке вывезут моего Петеньку. Он ещё слабенький в новом теле «болвана-клона» и не окреп после прекращения процедуры

«межсуществования» и отделения от «носителя».

А что вы хотите? – только изошрённые пытки, половая стимуляция и жестокая смерть старого тела делают возможным окончание процесса переноса сознания. Иначе «объективная редукция» не позволяет.

Ну ничего, электроволновая стимуляция, массаж, курс витаминотерапии. Окрепнет – пойдём вместе в спортзал, потаскаем железки. И будет он у меня лучше прежнего.

В общем, работа на сегодня удалась. А Наташка-стерва – обломилась в очередной раз!

Опрокидываю второй стопарик зубровки.

Я – палач высшей категории, нейросуггестивный экзекутор-терапевт. Я убиваю тела людей. Мне за это хорошо платят. Моя эффективность – почти сто процентов, исключая тот прошлый случай вековой давности. У меня есть любимый муж с телом девятнадцатилетнего юноши. Сегодня мы отметим его очередной, пятый по счёту день рождения. Завтра возьму отгул: коллеги Пети по министерству придут домой поздравлять.

Горжусь своей работой на благо моей великой и инновационной Родины!

Таисия Севрюкова. Голова Агаты

Вид из большого окна с тяжёлыми портьерами очаровывал свежестью и особенной, по-весеннему живой красотой. Агата глядела на белую пену цветущих деревьев, на штрихи кованой ограды, скрытые молодой листвой, на песчаные дорожки, светлые и ровные, точно морское дно, на чистое, яркое небо без единого облачка. В изящном чайнике на столе перед Агатой настаивался ароматный янтарный напиток.

Микаэль и Марта вбежали в столовую, пронеслись мимо Агаты и налетели на вошедшего отца. Тот подхватил малышей на руки и закружил.

– Вот они, мои сорванцы! Мы же договаривались насчёт шума по утрам. Вы подготовились к занятиям?

– Не-е-ет...

– Какой кошмар! Миссис Тэт придёт с минуты на минуту, а вы не готовы! Что я говорил про опоздания?

– Заставлять людей ждать – дурной тон, – нестройным хором ответили дети.

– Вот именно. Ну, марш за тетрадями.

Топот малышей затих на лестнице. Агата погладила мужа по руке.

– Отлично справляешься, Грэди.

– Меня обвинят в старомодности, – вздохнул он, наливая себе чай. – Все дети давно умеют обращаться только с кла-

виатурой и планшетами, а мои пишут в тетрадах и учат основы географии по бумажным атласам.

– Ну и пусть. Твои методы воспитания дают прекрасный результат. – Агата улыбнулась и окинула мужа взглядом. – Кстати, почему ты в костюме?

– Клиенты хотят сначала переговорить без посторонних глаз. Уже едут.

– Ох... Я скажу Луизе Тэт не пускать детей вниз и поеду в ателье. Проблемы с поставщиками.

– Ладно. Хорошего дня, дорогая.

Грэди допил чай и ушёл. Агата вложила в ухо маленький шарик, из которого звучал приятный голос диктора:

– ...не единожды подвергалась критике. Метод редактирования памяти – так называемого ремеморинга – давно отошёл от позиции радикального средства психотерапии и утвердился как узкая, но самостоятельная ниша. Вторжение в область человеческих воспоминаний – опасный и значимый процесс, пока не изученный полностью. Правительство принимает меры по усилению контроля за деятельностью ремеморов. Эти меры включают в себя, – диктор, кажется, сделал глубокий вдох и затараторил, явно читая с листа, – обязательную сертификацию, ведение соответствующей документации, подтверждение квалификации раз в год, специальную конструкцию аппаратов РП-2 и РП-3, которая исключает возможность копирования и пересборки, а также проведение сеансов ремеморинга исключительно в клиниках, на-

ходящихся под особым наблюдением. В то же время это направление в психотерапии остаётся одним из наиболее перспективных. Приглашённый эксперт Тереза Каминьская...

Оба клиента решительно не нравились Грэди. Особенно обладатель вкрадчивого, неестественно спокойного голоса.

– Нам очень рекомендовали вас, мистер Норфолк. Председателем Южной Ассоциации ремеморов ведь просто так не станешь, а значит, вы обладаете всеми качествами настоящего профессионала.

– Пожалуйста, переходите к делу, – вежливо улыбнулся Грэди и незаметно коснулся крупной запонки.

– И к этим качествам, – будто не слыша, продолжил собеседник, – относится умение хранить секреты, не так ли?

– Разумеется.

– Руководитель, м-м... одного из отделов нашей компании приносит много убытков своими действиями. Мы хотели бы, м-м... помочь ему. Возможно, передать больше полномочий другим, м-м... сотрудникам. Это ведь возможно с вашей помощью?

– Полагаю, вы хотите подвинуть одного из главарей вашей шайки? – громко спросил Грэди.

Клиенты быстро переглянулись.

– Мистер Норфолк, вы...

– Хватит. Я работаю законно и честно. Наш разговор записан, и если я услышу о вас от членов Ассоциации, то пе-

редам запись полиции. До свидания.

– Не будьте так заносчивы, Норфолк, – прошипел клиент. – Как бы вам не аукнулась эта принципиальность.

Грэди проводил машину тяжёлым взглядом и отвернулся от окна.

В своей работе Агата не любила только деловые встречи. Но проблемы с поставками сами собой не разрешились, положение директора ателье обязывало, а личный разговор всегда давал лучшие результаты. К тому же в обе стороны она ехала на скоростном ретропоезде с настоящими бра на стенах, узкими коридорчиками, бархатными сидениями и даже дымящей трубой на локомотиве.

Когда Агата, довольная переговорами, садилась на обратный поезд, её окликнули.

– Агата!.. Здравствуй.

Она удивлённо посмотрела на уборщика, который судорожно вцепился в ручки моющего аппарата.

– Мы знакомы?

– Ты забыла... А я помнил о тебе все эти годы. Моя милая Агата... Ты такая красивая.

– Да кто вы?

– Раньше – Чаз Грин из Риверхилла. Теперь – никто. Никто... Зато ты счастлива.

Прогудел сигнал об отправлении поезда. Агата из окна смотрела на быстро удаляющийся силуэт.

В компьютере не было ничего о Чазе. Видимо, она знала его в детстве, но никак не могла вспомнить. Кто бы помог ей? Риверхилл на другом конце страны, старых знакомых уже не найти, а семья... Агата вытащила с верхней полки тощий альбом, сдула с него пыль и быстро пролистала фото с родными лицами, на которые до сих пор смотрела с болью.

И тут – двое детей на фоне светлых домиков. Русый мальчишка почти так же сутул и темноглаз, как уборщик на вокзале. А на обороте фото – подпись. «Чаз и лучшее лето!»

Между страницами альбома светлели немного мятые листы бумаги. Агата развернула их. Письма. Накарябанные детской рукой обещания пойти в один колледж, искупаться в дальнем пруду и пожениться, став взрослыми. Агата прижала бумаги к груди. Сердце встревоженно билось.

– Милая, ты идёшь ужинать? – Грэди появился на пороге. – Виктория все приготовила.

– Иду, дорогой.

– Сегодня заходил Олден. Передал привет и шляпку, которую ты забыла у него на прошлой неделе.

– Как мило. Вы снова говорили о работе?

– О чём же ещё? – рассмеялся Грэди, приобняв её за плечи. – Только об этом и болтают старые коллеги.

Из альбома выглядывал уголок ещё одной подписанной фотографии. «Милая Линда, оставайся с нами несмотря ни

на что! С любовью, Агата Н.».

Олден снова зашёл через пару дней. Дети с визгом бросились на шею «дядюшке Олди», а сам гость чмокнул в щёку Агату и принялся возиться с Михаэлем и Мартой. Спустя полчаса писка, смеха и шума в гостиной малыши наконец занялись подарком – маленьким роботом-ящерицей, – а Олден ушёл в столовую к Агате.

– Ну, как жизнь, милая? Грэди говорил, ты уезжала на днях.

– На переговоры. Знаешь, иногда я думаю, что просто шить наряды и дарить знакомым мне нравилось больше. А когда Грэди помог открыть ателье... Даже не знаю.

– У тебя прекрасно получается, Агата. Как поездка?

– Хорошо. Но я встретила одного человека, он... будто бы знает меня. Сказал, его зовут Чаз Грин, и мы якобы знакомы. Я нашла детское фото с парнишкой по имени Чаз, но совсем не помню его.

– Это нормально, – кивнул Олден, глядя на протянутое фото. – Память сохраняет мало фрагментов из детства. Особенно лет до шести.

– Есть ещё наши записки... романтические. Кое-где стоят даты: мне было двенадцать. И всё равно не помню.

– Хм, а вот забыть свою подростковую любовь несколько странно... Но и такое бывает.

– А ты помнишь Линду, нашу домработницу? – Агата по-

казала другое фото. – Тоже нашла вчера. Кажется, после того, как эта мерзавка пыталась в открытую соблазнить Грэди, а потом её уволили, я избавилась от всего, что напоминало о ней. А тут такая надпись...

– Мерзавка? – удивился Олден. – Милая, уж не знаю, почему Грэди её выгнал, но ты так плакала после ухода Линды... Грэди взелся на бедняжку почти с самого начала. Как ты могла забыть, Агата?

За весь вечер Агата так и не вспомнила ничего подобного.

– Только сегодня! Купите путёвку на двоих к Западному побережью и примите участие в розыгрыше яхты, автомобиля и других ценных призов!

Грэди, не отрываясь от чтения документов, махнул в сторону телевизора. Датчики считали движение, и голографический экран погас. Агата усмехнулась, затягивая очередной стежок на воздушной вышивке.

– Не хочешь выиграть новую машину?

– Меня устраивает мой «Атлантик». Старомодный, как я, но со скрытой мощью в пятьсот лошадок под капотом.

– О да, похоже на тебя. – Агата подошла к мужу, обняла со спины за шею и шепнула на ухо: – Красавец в стиле ретро.

– Красавца сведёт с ума этот клиент. – Грэди со вздохом отложил планшет и погладил руки жены. – Ему бы сначала к психологу походить, а потом уже ко мне. Травмирующие воспоминания подправим, но тревожность-то никуда не де-

нется. А может, и усилится.

– Почему?

– Иногда воспоминания, связанные с изменённым фрагментом, не перестраиваются полностью. Возникает ощущение несостыковки, противоречия, непонимания, а отсюда и тревога. Она может со временем исчезнуть, а может стать сильнее, если ничего не сделать.

Агата только хмыкнула: она мало что понимала в работе Грэди.

– Кстати, милая, хочешь в Ниццу на Новый Карнавал?

– Ницца? Ну, на карнавал можно. Мы разве не ездили туда в прошлом году?

– Я поехал один, потому что ты отказалась в последнюю минуту, – пожал плечами Грэди. – А жаль. Зрелище совершенно прекрасное.

– Точно, у меня были какие-то дела... Или я болела. Не помню.

– В этом году ты вроде бы здорова и не очень занята, – улыбнулся Грэди, повернулся и обнял жену за талию.

Ложась спать, Агата прислушалась к себе. Тревога была. Слабая, неясная... но была.

– Олден, ты бывал в Ницце? – спросила Агата, покачивая на коленях притихшую Марту.

Олден отвлёкся от игры с Михаэлем.

– Бывал пару раз.

– Тебе понравилось?

– О да. Изумительные места! Лазурное море, светлые домики, пальмы... Будто в раю побывал, только с картавыми ангелами.

Агата неуверенно улыбнулась и расправила платье на коленях, с которых спрыгнула Марта.

– Послушай, а ты помнишь, как Грэди ездил в Ниццу в прошлом году?

– Отлично помню, – помрачнев, отозвался Олден. – Вы вроде... Микаэль, мы разговариваем. Иди к сестре. Так вот, вы собирались ехать вдвоём и даже звали меня с собой, но я не смог, а ты... Грэди вроде бы сдал твой билет в последний миг и очень сердился.

– На что?

– Кажется, на то, что сначала ты хотела поехать.

– Что?.. Нет, я же сама отказалась от поездки. Я помню. С чего бы Грэди сердиться?

– Может, на то, что в Ницце ты гуляла бы среди загорелых красавцев с солнечного побережья, – покачал головой Олден. – Ты спроси сама у него или авиакомпании, раз мне не веришь. Если это важно, конечно.

Агата не стала спрашивать у мужа. Зато в авиакомпании подтвердили, что билет действительно сдали.

– Найдите оператора, принимавшего тот звонок, пожалуйста.

Вместо оператора нашли запись. Грэди раздражённым го-

лосом попросил отменить заказ одного билета, а на вопрос о причинах ответил: «Жена внезапно расхотела лететь к кра-савцам с солнечного берега».

Ночью Агата лежала без сна. Рядом мирно сопел Грэди. Агата смотрела на профиль мужа и пыталась найти объяснение. Хоть какое-то... Может, у нее проблемы с памятью? Или Олден врёт? Но он давнишний друг семьи, с чего ему врать? К тому же есть доказательства: фото, этот вот звонок и даже тот странный уборщик... кажется, Чаз.

Неужели Грэди?..

Когда Агата коснулась сенсорной панели, вмонтированной прямо над литой ручкой, дверь со щелчком приоткрылась и впустила авторизованную гостью. Олден усадил её в гостиную.

– Милая, что с тобой? Выглядишь уставшей.

– Не могу уснуть вторую ночь. Я думала над твоими словами. Не хочу, не могу поверить, но кажется... – Агата быстро оглянулась. – В моей голове что-то не то. Не моё. Ненасстоящее.

– Хочешь сказать, – медленно протянул Олден, – тебе переписали память? Милая, если всё так, это нарушение закона. Кто пошёл бы на такое?

– Если бы кто-то хотел удержать меня рядом... Боже, я не верю, что говорю это!.. Олден, ведь Грэди мог переписать мою память, да?

– Грэди?

– Посмотри, вот... Это список того, что я плохо помню. Где есть несостыковки, неточности, странности – как в случаях с Линдой, Чазом и поездкой. И тут вот выделено... Милый немец с той вечеринки, одиночный тур по Великобритании, уроки фортепиано, пошив платья для Мелиссы – всё это важно для меня, понимаешь? Всё это – я, мои успехи, мои минуты славы, моя жизнь, в которой почти не было Грэди. Моя личная, самостоятельная, которая из-за чего-то срывалась. Я думала – болезни, дела, форс-мажоры... А вдруг... вдруг нет?

Олден посмотрел на неё испуганно и слегка отодвинулся. Совсем чуточку. На таком расстоянии он успел бы вскочить и убежать за помощью.

– Агата, пожалуйста, не нервничай. Ты ведь не знаешь точно...

– Откуда я могу знать точно?! Что в моей жизни теперь может быть точно?! – вскрикнула Агата, выронив листок со списком. – Всё ведь было так хорошо!..

Она заплакала. Олден засуетился, поднял листок и бросил на стол, принёс Агате воды и вскоре проводил гостью до дверей. Агата уехала на вызванном такси и долго смотрела на удаляющийся силуэт Олдена. Крыльцо дома казалось ей перроном.

После этого разговора Агата впервые за годы семейной жизни ушла ночевать в маленькую спальню, подальше от Гр-

эди.

Собрание Южной Ассоциации проходило в светлом зале на верхнем этаже ремклиники. Ремеморы сидели за длинным столом, словно на пиру, и говорили на тему, заданную председателем – многоуважаемым Грэди Норфолком. Обсуждали идею новой процедуры – реставрации воспоминаний.

– Нет, погодите. Править конкретный участок – одно, а рыться в чужом грязном белье, имея на руках лишь неясные описания клиента, – совсем другое.

– Я уверена, что это будет полезно. Мы сможем даже вытаскивать на свет память о раннем детстве. Только представьте! А если доберёмся до периода внутриутробного развития!..

– Вот уж куда я не хотел бы соваться, так это в живот беременной женщине...

– Вы оттуда вылезли, мистер Каппендорф.

– Спокойнее, господа. Мне кажется, если клиент даёт на что-то согласие – письменное, между прочим, – то мы имеем полное право и даже обязаны выполнить свою работу качественно и закопаться в ваше нелюбимое «грязное бельё» как угодно глубоко.

– Фу, ну у вас и метафоры... Жалею, что слышала всё это.

Грэди устало смотрел поверх голов на большую голограмму на стене: изображение аппарата РП-2, в просторечии –

редпама, для непосвящённых больше похожего на пыточное устройство. Ещё бы... Кресло с ремнями, шлем с «иголками» внутри, опутанный проводами загадочный пульт, маска для быстрого и слабого наркоза – это выглядело зловеще. Но какому благому делу служило это высокотехнологичное чудовище!

На выходе после собрания Норфолка выловил секретарь.

– Мистер Норфолк, к вам молодой человек. Недавно закончил обучение, весьма перспективный ремемор. Хочет обсудить какие-то вопросы, касающиеся сегодняшней темы собрания... Видимо, прочитал на официальной страничке.

Грэди вздохнул, прикидывая, насколько откладывается ужин.

– Пригласите его ко мне.

Посетителя звали Джеймс Свифт, и он всем своим видом напоминал типичного великовозрастного студента: сутулый, русые волосы в беспорядке, под тёмными глазами явные следы недосыпа. Даже руку пожать забыл... Зато разговорились легко, как профессионал с профессионалом.

– И вы считаете, Свифт, что нам рано заниматься реставрацией?

– Нет. Я думаю, с неё стоит начинать. Ведь это как выкрутить яркость и резкость на фотографии. Гораздо проще, чем перекраивать картинку за картинкой. Но даже с этой задачей мы уже справляемся, а возможности свои не используем. Это расточительство.

– Вам пока рано говорить «мы». Понимаю, после восьми лет обучения вы чувствуете себя важным и всемогущим, но это ошибочно. Каждая модель редпама – уникальный, тончайший аппарат, обращение с ним требует большого мастерства. Это вам не выкручивание яркости.

– Конечно, там ведь нет картинок! Только ряды чисел, графики и схемы, по которым мы можем менять жизнь человека.

– Не нужно считать нас богами.

Джеймс посмотрел на него как-то странно, почти сочувственно. Кивнул. И перешёл к другой теме. Когда Грэди всё-таки вышел из кабинета, даже Олден покинул клинику. Клиентов в тот день у него не было, видимо, как и причин задерживаться.

Агата впервые радовалась, что Грэди так рано уехал на собрание. Она думала об этом, сидя в просторном купе, и пальцы беспокойно сминали подол платья. На вокзале Агата выскочила из поезда и побежала искать кого-нибудь из персонала. Первым попался уборщик.

– Скажите, вы знаете Чаза Грина? – Она вцепилась в бедрологу так, что он даже вздрогнул.

– Что? Кого?

– Он работает тут уборщиком. Чаз Грин, ну!..

– Простите, мэм, я тут новенький... – Уборщик перешёл на шёпот. – Но вы, наверное, про парня, который повесился?

– Повесился? – тупо повторила Агата.

– Ага, прямо на рабочем месте. Меня сразу взяли только потому, что он, ну... того. Сходите к старшему менеджеру, если нужно.

Менеджер, узнав имя посетительницы, отдал ей свёрнутый листок бумаги, подписанный «Агате Макленнан». Её девичья фамилия... Агата села на обратный поезд и медленно, как в трансе, развернула записку.

«Милая Агата,

прости, что мне приходится так поступить, но я больше не выдержу жизни без тебя. Ты не виновата. Не помню, как держался эти годы, но после нашей встречи я совсем раскис... И всё равно спасибо. Спасибо за чудесные вечера на реке Хьюон. Спасибо за жаренный на костре хлеб. Спасибо, что позволила помочь, когда умерли твои родители. Спасибо, что выручала с учёбой в первом классе и целовала в щёку во втором. Спасибо за поездки на велосипедах и звёздные вечера. Я никогда не стал бы просить тебя остаться, моя милая Агата, но всегда буду тебя любить.

Прощай. Чаз».

У неё случилась истерика прямо в поезде. Проводник прибежал испуганный и бледный, принёс воды; в дверях купе столпились сердобольные пассажиры и жадно глазели. Агата рыдала, обхватив голову руками. Только бы прогнать этот образ! Только бы не видеть этого уборщика, глядящего на неё мёртвыми глазами!..

На станцию она сошла выжатой, молчаливой. В руке белел смятый платок. Такси быстро везло Агату мимо обычных бетонных и стеклянных зданий в элитный район пригорода, где стояли особняки из прошлого, а то и позапрошлого века.

Агата тихо зашла в дом. Дети, судя по голосам, были наверху. Агата медленно обвела взглядом холл, выронила платок и кинулась в кабинет мужа. Она залезла в компьютер, в рабочий планшет, перерыла все бумаги, стараясь потом всё вернуть на свои места, но нигде не было и слова о ней. Нужно найти... Не может не быть этих записей!..

– Да где они... – сбивчиво бормотала Агата, и на глаза наворачивались злые слёзы.

Она почти расплакалась, сидя на полу посреди кабинета, когда заметила что-то под столешницей. Небрежно приклеенные листы. Милый старомодный Грэди...

Агата узнала почерк: лёгкий и аккуратный, почти без нажима ручки. Словно распечатка, сделанная разными чернилами. Видимо, не одновременно.

«Обширная зона исправлений. Ранний период – от восьми лет. До этого – общее угнетение, подробная корректировка не нужна. Схема проникновения в клинику готова.

Первый осмотр. Не заметила.

Второй осмотр. Не заметила.

Третий осмотр. Что-то подозревает. Списал на сны, тайно дал успокоительное.

Зоны для редакции:

23 года (октябрь). Романтизировать наше знакомство. Прототип для исправления см. Приложение.

8-13 лет. Общее угнетение и удаление имён и данных о переписке.

27 лет. Рождение близнецов; подставить мою фигуру в образы с шестой по двенадцатую зону. Будет ощущение, что я встречал её в роддоме.

29 лет (февраль). Забрал украшения, подаренные на свадьбу. Не нужно так вести себя со мной. Варианты рассматриваются.

Вариант «Потеря» – провал.

Вариант «Ограбление» – успех. С полицией всё улажено (замятое дело). Достоверность высокая.

31 год (июнь-июль). Пошив платья для Мелиссы Эддингтон. Удалось скрыть от агентов Совета Мод, не допустить популярности. Жена-швея популярнее мужа, профессионального ремесла? Неслыханно. Подставная история с высокой достоверностью.

Плановая подчистка. Исправлено и угнетено 23 маленьких участка.

31 год (ноябрь). Линда. Всё-таки эта свобододолюбивая дуручка плохо влияет на Агату. Нужна достоверная история с очернением. Желательно вызвать сильную неприязнь, создающую плохие ассоциации и с самой Линдой, и с её идеями.

32 года (август). Поездка на Новый Карнавал в Ниццу. Я люблю брать её с собой, но на этот раз какой-то всплеск свобододолюбия. Она никауда

*не едет. Достоверная история с подтверждением.
Подготовить доказательства.*

*Наблюдение продолжается. Странное поведение, но
в пределах нормы. Подозрений нет. Осмотр пока не
планируется».*

Агата помнила эти случаи. Помнила, как Грэди встречал в роддоме с огромным букетом. Как ограбили на вокзале, а когда полиция призналась в своём бессилии, Грэди замял дело, чтобы не причинять жене беспокойство, вытаскивая историю на свет. Как она шила великолепное, способное прославить её платье для миссис Эддингтон, а та оказалась женой криминального авторитета, и Грэди для сохранения репутации Агаты стёр все следы их общения. Помнила, как Линда начала засматриваться на Грэди, а потом и вовсе пыталась его соблазнить, за что была уволена. Помнила, наконец, как отказалась от неожиданной поездки в прошлом августе, и Грэди расстроился из-за того, что сюрприз не удался.

Или... всё было не так?

Новой истерики не случилось. Агата посидела немного, забрала листы и ушла в ванную, где заперлась на весь вечер.

– Милая, ты не видела мои рабочие запонки? – спросил Грэди, входя в столовую и на ходу поправляя рукава рубашки.

– Нет, – бесцветным голосом ответила Агата. Крупная запонка со включённым микрофоном надёжно пряталась в

пышной причёске.

Агата перенастроила диктофон в отсутствие мужа – это оказалось несложно – и решила записывать события каждого дня, а потом переслушивать. Она не думала, что и это решение осталось в памяти, что его можно прочесть при первой же возможности. Агате вообще было сложно думать. Ей снились Чаз, Линда и платье Мелиссы. Снилось солнечное побережье Ниццы и улыбающийся Грэди в холле роддома. Здесь она почти всегда просыпалась с криком.

– Что с тобой, дорогая? – беспокоился Грэди.

– Мамочка, у тебя что-то болит? – участливо заглядывали в глаза дети.

– Агата, ты выглядишь испуганной, – качал головой Олден.

– Я только пытаюсь понять... Я хочу понять, что было на самом деле! – плакала у него в доме Агата.

Олден молчал, гладил по спине, приносил попить, но ничем не мог помочь. Конечно, решение было очевидным. Поговорить с Грэди, только-то и всего! Просто спросить!

Агата не могла себя заставить. Ведь если Грэди узнает... А он наверняка узнает при очередном «осмотре». Или даже раньше, когда обнаружит пропажу листов. Он узнает, усыпит её, увезёт в клинику и *исправит*. Перепишет. Сотрёт. «Плановая подчистка».

Поверить в предательство человека, с которым живёшь десять лет, шесть из которых воспитываешь общих детей...

Сложно. Было бы сложным, если бы не бумаги, разговоры и люди.

Вера в предательство затмила веру в человека.

Агату трягнули за плечо, потом стали целовать в щёки.

– Проснись! Агата, посмотри на меня! Я здесь, здесь.

Она смотрела в потолок, а видела надвигающийся на неё шлем, утыканный изнутри иголками.

– Ты в порядке? Я так испугался, милая... Это всего лишь ночной кошмар, хорошая моя.

Прикосновение чужих рук казалось холодным. Агату трясло, она плохо чувствовала тело.

– Тебе снова приснились родители? Да? Хочешь, мы сотрём это? Тебе не будет сниться эта авария, не будет причинять боль. Всё хорошо, милая.

– Сотрём? – пересохшими губами повторила Агата.

– Да, бесследно. Или нарисуем на этом месте что-то хорошее. Милая, мы запишем тебя как пациентку, и всё это пройдет. Но если ты не хочешь, чтобы кто-то знал, я готов даже нарушить правила. Только ради тебя я их нарушу...

– Ты спрашиваешь, хочу ли я этого?

– Конечно.

Агата медленно села и повернула голову. Грэди захотелось спрятаться от этого взгляда, полного тоски. Ни одно собрание Ассоциации со множеством глаз, взирающих на него, не пугало так сильно, как эта неизбывная тоска. Последний

взгляд умирающего зверя. Взор жертвы на мучителя.

– Ты спрашиваешь?.. А почему ты не спросил раньше? Почему не спросил, хочу ли я забыть Чазу? – Голос Агаты постепенно набирал силу. – Почему я должна была забыть, из-за чего не поехала на карнавал, из-за чего так и не дошла платье, из-за чего лишилась единственной подруги здесь, в этом огромном доме? Почему ты не спросил меня, можешь ли забрать мою память?

Грэди с ужасом покачал головой.

– Что ты такое говоришь, Агата?!

– Много ли ты переписал и без всяких планов? Моя ли это жизнь – там, в голове? Любила ли я тебя хоть когда-то? Знала ли я тебя? Знаю ли я саму себя?! – Агата сорвалась на крик, кинулась вперёд, упав на четвереньки. – Я всё поняла, всё, всё!.. И теперь ты снова сотрёшь меня, ты напишешь меня заново, напишешь свою идеальную жену, которая спит спокойно и никогда не затмит своего мужа!..

Грэди вскочил. Ноги держали плохо. Агата кричала на него, точно он был преступником, которым так боялся стать. Он, честный ремемор, добрый человек, любящий муж, заботливый отец, законопослушный профессионал – кем он стал в её глазах?!

– Ты стёр меня!

– Агата...

– Ты забрал всё, что мне было дорого, мои маленькие радости! Забрал их!

– Агата, пожалуйста...

– Ты сделал меня такой, как тебе нравилось! Ремеморы – боги над разумом!

– За что?..

– Ты злой, жестокий бог, зачем ты создал меня способной догадаться?!

– Почему ты так говоришь, любимая?..

Она зашлась в плаче, рухнула лицом в подушки. Грэди вылетел из спальни и прижался спиной к двери. В детской слышались голоса.

«Дети проснулись», – подумал Норфолк.

– Вызов скорой помощи, – скомандовал он в гарнитуру.

Грэди сидел на крыльце дома и смотрел на белую песчаную дорожку со следами шин. Сердце разрывалось. Он всё ещё слышал крик Агаты, которую укладывали на носилки и вкатывали в медицинский фургон.

– Вероятно, психоз. Не переживайте, в наше время всё лечится, – сказал врач, прощаясь с хозяином дома. – Вам ли не знать, мистер Норфолк.

Грэди ничего не знал. Он очень хотел спать. Вот Микаэль и Марта уснули на удивление легко, даже толком не выпросив, что там за шум внизу. А их мама в это время лежала где-то там, среди чужих людей, испуганная и разбитая непонятным для Грэди горем.

Спать. Просто отключиться, забыть всё, а проснуться с

планом действий в голове, как это бывало обычно.

Но не теперь. И он понимал это.

Утром Грэди отвёз детей к Олдену и позвонил в больницу.

«Миссис Норфолк пока в достаточно тяжёлом состоянии, но мы уже начали медикаментозное лечение. Поговорите с доктором Мартинес, я переключу вызов».

После общения с врачом Грэди даже не пытался сделать вид, что этот день хоть сколько-то нормален. Отменив запись и извинившись перед клиентом, он до самого вечера сидел дома и запивал тоску и обиду всем, чем мог. Тоска не шла ни в какое сравнение с той жуткой болью, что плескалась накануне в глазах Агаты. Но обида была сильнее во много раз.

Как его Агата, его половинка, его обожаемая жена, могла так подумать?.. Откуда она взяла эти ужасные мысли об изменении памяти? О каких планах говорила? И как, как дошла до мысли о том, что он мог поступить с ней подобным образом? Ведь за всю жизнь он ни разу не обманул её! Ни разу!..

Дом накрывала ночь. Грэди лежал на диване в гостиной, точно мёртвый. Так и не включённая система безопасности большого дома бездействовала. В саду мерцали фонари.

Через ограду перемахивали люди с оружием в руках.

«Сегодня ночью в пригороде произошло нападение на дом председателя Южной Ассоциации ремеморов Грэди Нор-

фолка. Нападавшие – известная преступная группировка – воспользовались тем, что на территории не работала система безопасности, ворвались в дом и подожгли его. Пожар уничтожил здание почти полностью. Во время трагического инцидента погиб сам мистер Норфолк. Его жена, Агата Норфолк, находилась в больнице, а судьба детей, Микаэля и Марты Норфолк, нам неизвестна. Преступников уже задержали. Причиной нападения один из них назвал донесение Норфолка властям о...»

Олден выключил трансляцию, спрятал наушники в карман и задумчиво посмотрел из-за приоткрытой двери на играющих в соседней комнате детей. Затем пошёл на кухню, кинул в стаканчики быстрорастворимые таблетки и заглянул в комнату к малышам.

– Эй, кто хочет лимонада?

Через час Олден встречал во дворе гостя, который забрал спящих детей и усадил их в машину.

– Ну что, я выполнил свою часть сделки, – сказал Олден, скрестив руки на груди. – Можешь спокойно забрать всё, что хотел. И не забудь, что ты обещал воздействовать на кого-то, чтобы меня выбрали следующим председателем.

– Помню, – безмятежно отозвался гость. – Помню и до сих пор удивляюсь. Насколько же нужно завидовать успеху своего, хм... друга, чтобы так рисковать? Дал мне доступ к своему аккаунту, помог влезть в аккаунт Норфолка, подкидывал «доказательства» к ним в дом, столько всего наворо-

тил!.. И всего лишь из-за места во главе длиннющего стола.

– Ты слишком молод, чтобы понять, – фыркнул Олден. – Я в профессии двадцать с лишним лет – в два раза дольше, чем Грэди, – и до сих пор не получал признания. Разве это честно?

– Не спорю.

– Только Агату жалко...

– Это не твоя забота. Прощай, Олден. Отныне разрываем все связи и больше не видимся, не говорим, не слышим друг о друге. Верно?

– Да, я стёр все признаки нашего сотрудничества. И детей никаких в моём доме не было, ни слуху ни духу. Удачи.

– И тебе, дружище, – усмехнулся гость.

Он уехал. Вечером следующего дня Олдена Скотта арестовали за связи с преступной группировкой, напавшей на дом Норфолков. В заговоры, похищение детей и в мистических пособников полиция не поверила: не было никаких улик. Зато были сообщения с аккаунта Олдена.

Еще через несколько дней он загадочным образом погиб в тюрьме. Один из заключённых тайком ухмылялся, думая о переведённых на счёт деньгах и о том, как использует их после освобождения.

Агата смотрела в светлый потолок палаты.

– У меня есть доверенность на экстренный случай, так что я увезу вас домой. Всё будет хорошо, – ворковал молодой че-

ловек, суетясь вокруг неё. – Вы станете наблюдаться у частного доктора, и жизнь вновь покажется вам прекрасной. Вы ведь рады, Агата?

– Да, – бесцветным голосом ответила она.

– Замечательно. Всё образуется, вот увидите...

Они странно смотрелись рядом: осунувшаяся темноволосая женщина и полноватый кудрявый парнишка, блистающий жизнерадостной улыбкой. Оформив все бумаги, парнишка сел в машину вместе с безучастной Агатой и уехал.

В чёрный пакет полетели накладной живот, силиконовая маска и парик.

«Пользу моего неожиданного предложения вы увидите сами, – гласило письмо, адресованное высшим инстанциям. – Возможности ремеморинга используются едва ли наполовину, тогда как этот метод таит в себе способ борьбы с преступностью. Личность во многом составляют и определяют воспоминания, а потому их радикальное изменение может полностью перестроить модель поведения человека, его характер и отношение к миру. Что, если угонщик будет помнить свою счастливую жизнь наследственного булочника? Что, если наркоторговец свято поверит, что всю жизнь прожил с любимой женщиной, работая в приюте для бездомных? Несомненно, это потребует профессионализма от ремемора, проводящего такую коррекцию, а также больших трудов. Однако полностью изменить память вполне возможно. К письму

я прилагаю свои расчёты, правильность которых не вызывает у меня сомнения. С уважением...»

Вид из небольшого окна со светлыми занавесками очаровывал бескрайностью и особой, безмятежной зимней красотой. Агата глядела на ослепительно белое поле, на спрятанные в холмах домики и очертания города вдаль, на засыпанный снегом садик, на чистое, яркое небо без единого облачка. В изящном френч-прессе на столе перед Агатой настаивался кофе.

Эрик и Энни вбежали в столовую, пронесли мимо не успевшей ничего сделать Агаты и налетели на вошедшего отца. Тот поймал малышей за руки.

– Так, разве я разрешал бегать в столовой?

– Не-е-т...

– Тогда почему вы это делаете? Марш в комнату и садитесь за книжки. После обеда у вас занятия, так что подготовьтесь хорошенько.

Топот малышей затих на лестнице. Агата погладила мужа по руке.

– Всегда восхищалась твоим умением поддерживать дисциплину.

– Что странно, ведь я привык следить только за собой, – вздохнул он, наливая себе кофе.

– Однако же они становятся послушнее, чем раньше.

– Я умею менять людей, – рассмеялся муж.

– Это точно, милый. Ты сегодня поедешь в клинику?

– Да, только сначала закончу кое-какие дела. Давно надо было с этим разобраться. А может, сегодня и ответ на моё письмо придёт...

– Тогда я отвезу детей в класс и поеду в студию. Там не всё в порядке с теплицами: снова не хотят цвести розы Баркароле.

– Ладно. Хорошего дня, дорогая.

Он допил кофе и ушёл. Агата осталась в столовой. В своём кабинете хозяин дома включил компьютер и стёр все файлы, касавшиеся Норфолков, Скотта, Южной Ассоциации ремесленников и Джеймса Свифта, который существовал очень недолго. Аккуратно, листок за листком, сжёг запасные распечатки с планом редакции памяти Агаты, фотографии с трогательными подписями, неудачный вариант записки повесившегося уборщика... Последней он взял в руки фотографию с двумя детьми: мальчиком и девочкой. Это фото он не сожжёт. В жизни было много плохого: и безответная любовь, и зависть, и сомнительные связи, и ложь, и подкупы, и убийства... И даже сборка домашнего, полностью рабочего РП-3! А ведь умники-конструкторы наперебой твердили, что это невозможно.

Да, было много горечи, но много и побед. А ещё было светлое детство. Их с Агатой детство и любовь, которая преодолела всё, исполнив его давнюю мечту. *Их* мечту. Теперь-то Агата не забудет об этой любви. Он не позволит.

Чаз улыбнулся. Голос зазвучал приглушённо, утопая в пышных шторах и густом ворсе ковра.

– Мечта есть движущая сила,
Мечта – предшественница цели,
Мечта дорогу мне осветит,
Чтоб дни вперёд, вперёд летели.
А чтоб достичь желанной цели,
Одной мечты, конечно, мало.
Вот здесь придёт черед для действий...
Мечта же для всего – начало!

Дмитрий Корсак.

Испытательный срок

Космические корабли выходят из прокола очень красиво. Сначала в пространстве на месте выходных индукторов разгораются яркие точки. Потом от точек к будущим центрам масс устремляются светящиеся дуги. Мерцающий узор постепенно усложняется, и в нём начинает проявляться призрачный, иллюзорный корабль, постепенно обретая форму и объём. И вдруг – это мгновение почти никогда не удаётся уловить глазом, оно всегда наступает внезапно – свечение гаснет, и остаётся только корабль. Крепкий, надёжный, настоящий.

Конечно, так бывает не всегда. Эсминцы космофлота – хищные, быстрые, с мощными индукторами – выпрыгивают из прокола почти мгновенно, за доли секунды. Тяжёлые линкоры и мобильные базы маскируют свою структуру и появляются в виде хаотичной пульсации, в которой ничего невозможно разобрать. Говорят, у военных есть катера, которые вообще не излучают при выходе. Никто в это не верит, от излучения Добромыслова избавиться невозможно, но мало ли что есть у военных...

Но красивее всего выходят из прокола обычные гражданские контейнеровозы, такие, как «Аметист», – тридцать индукторов, четырнадцать грузовых палуб в четыре яруса, по-

что две тысячи контейнеров. Сейчас этот исполин величественно выползал из прокола на Кронисе. Светящиеся нити сплетались в невероятно сложный узор, в центре которого постепенно угадывались контуры обводов, ряды подвесок с контейнерами, воздушная арка кормового мостика. Завораживающее зрелище, особенно, если смотреть из ходовой рубки. После такого представления очень трудно вернуться к своим обычным делам.

Наталья встряхнула волосами, прогоняя наваждение, – за четыре месяца на «Аметисте» она так и не привыкла к красотам космоса, – и нехотя потянулась за планшетом: нужно закончить со списком продуктов. Чем быстрее она отправит список на Кронис, тем больше вероятность, что заказ будет доставлен полностью.

Девушка быстро перебирала названия – филе синей рыбы и рёбрышки рогача, томаты и сладкий перец... Креветки надо непременно взять, раз уж они помечены знаком «гурмэ». Да и Андрей их любит. Ещё что-нибудь вкусненькое и необычное, вроде местных грибов. Стандартные полётные рационы пусть и дальше пылятся на складе – пока она на «Аметисте», на столе будут только натуральные продукты.

– Наташ, будь добра, чайку завари, – раздался голос Андрея.

Точно! Надо чай заказать! Чай на окраинных планетах просто изумительный.

Наталья сохранила заказ, отстегнула ремни и, опустив

ноги, выбралась из кресла инженера. Подумаешь, сидела в кресле с ногами вопреки инструкции. А если ей нравится так сидеть? Всё равно кроме Андрея никто не видит, а он не против.

Наталья сунула ноги в сабо, одёрнула блузку и гибко потянулась.

– Может, борща? – лукаво спросила она.

Из-за высокой спинки кресла пилота выглянуло улыбающееся лицо мужа.

– Давай потом, когда всё здесь закончим. А пока чайку.

– С лимоном?

– Так мы ведь почти моряки.

– И что?

– Морякам положен лимон. Для профилактики цинги.

– Ну, раз положен – положу.

Наливая воду, Наталья вспоминала, как познакомилась с Андреем. Она с подругами отмечала годовщину окончания университета, и там же, в кафе, перед тарелкой борща сидел он. Именно на борщ она сначала и обратила внимание. Ну кто в кафе заказывает такое?! Потом рассмотрела и парня. Аккуратный, подтянутый, но какой-то неустроенный, непришейный, *некстатный*. Было в нём что-то от щенка серьёзной породы – мускулистого, сильного, с безупречным экстерьером и глубоко запрятанной в глазах неуверенностью.

Понятно, что заговорить первой пришлось ей. А спустя месяц после знакомства Андрей признался, что сразу заме-

тил её, но подойти к красивой и неприступной брюнетке не решился.

«Ну почему же неприступной? – смеялась она потом. – Я же самая обычная». Но Андрей, не соглашаясь, качал головой. Кстати, они потом частенько брали борщ в том кафе. Почему-то он там был удивительно вкусным.

Пять лет, думала Наталья, насыпая заварку в чайник. Если получится не опускаться на грунт пять лет, то мы станем обеспеченными людьми, и никакие случайности нам не страшны. А если пятнадцать – то мы миллионеры. Как ни крути, надо закрепить в «Спейс-экспресс». По-другому нормальной жизни у них не получится. Видеть мужа всего месяц в году во время отпуска – что в этом хорошего? Или что хорошего в том, если Андрей перейдёт на внутренние рейсы? Видеться они будут чаще, но ведь он окажется привязанным к планете. Это всё равно что посадить волка на поводок – загрустит – затоскует по большому космосу. Да и в деньгах они сильно потеряют. Прожить можно, но оставаться не будет ничего. Нет, они непременно должны летать вместе.

Наталья вернулась на мостик с чашкой чая на подносе. Андрей всё ещё был пристёгнут в кресле пилота. Из сдвинутого наборк шлемофона доносилась разноголосица докладов – диагностика корабельных систем. «В норме», «в пределах допуска», «отклонений нет», «не превышен»... – четырнадцать палуб докладывали разными женскими голосами. Наталья улыбнулась, вспомнив, как поначалу слегка рев-

новала к ним. Глупо, конечно, но обидно – муж прекрасно чувствовал малейшие нюансы и интонации этих голосов, а её настроение понимал не всегда.

Проверка закончилась, и Андрей связался с планетой.

– Поселение Кронис, я «Аметист», груз доставлен.

Андрей продиктовал координаты и включил маяк. Всё. Осталось принять ответ и можно будет наконец заняться чаем. Но уже первые слова, прозвучавшие из динамиков, дали понять: с чаем придётся повременить.

– «Аметист», я поселение Кронис. У нас нештатная ситуация. Буря в тропосфере. Груз забрать не сможем. Просим доставить на поверхность.

– Ваш заказ – сорок три контейнера. Я могу спустить только один.

– Тогда доставьте «273/22». Остальные можете оставить на орбите, мы потом подберём. А без этого нам и двух дней не протянуть. Загнёмся.

Андрей пробежался пальцами по клавиатуре.

– «273/22» – есть токсичное содержимое. Выделите площадку с подветренной стороны не менее чем в двадцати километрах от поселения. Расчётное время доставки – четыре часа.

– Спасибо, ребята. Вы нас с того света вытаскиваете.

– Конец связи.

Андрей встал с кресла и столкнулся взглядом с Натальей.

– Это ведь опасно, да? Почему ты должен рисковать? По-

чему бы не рискнуть им? Это же у них «нештатная ситуация».

– В отличие от нас им придётся сделать два рейса – сначала подняться к нам на орбиту, затем спуститься обратно. Техника может не выдержать. К тому же спускаться не так опасно, как взлетать. А главное – «Спейс-экспресс» берёт за доставку когда в пять, а когда и в двадцать пять раз дороже, чем мелкие перевозчики. Именно за то, что решает проблемы. Мы не просто доставляем грузы, мы решаем проблемы.

Последнюю фразу – девиз корпорации – они произнесли хором.

– Так что придётся решать, – добавил Андрей. – Ты со мной? Тогда надень гермокомбинезон. Я возьму тяжёлый, ты можешь любой.

– Конечно, с тобой. Гермик возьму лёгкий, в тяжёлом я похожа на лягушку.

Грузовая платформа раскачивалась, норовя опрокинуться. Внизу, под днищем, клубилась серо-бежевая мутная взвесь, скрывая поверхность планеты. Наталье казалось, что она слышит скрежет металла, но это была всего лишь игра воображения – кабина трака не пропускала звуки. А если бы и пропускала, девушка всё равно ничего бы не расслышала из-за завываний ветра.

Влетев в очередную воздушную яму, платформа ухнула вниз и начала заваливаться набок. На пульте загорелся пре-

дупреждающий сигнал, двигатели загудели сильнее, выравнивая крен. Борясь с подступившей к горлу тошнотой, Наталья схватилась за подлокотник кресла.

– Не волнуйся, автоматика справится. – Андрей успокаивающе положил ладонь на колено жены.

И именно сейчас автопилот оплошал – платформа на полном ходу влетела в полосу града. Рассчитывать траекторию снижения автоматике пришлось самостоятельно, без поддержки метеослужбы, которой на Кронисе попросту не было.

Лобовое стекло угрожающе выгнулось, мгновенно покрывшись трещинами, двигатели надсадно завывали. Автопилот пытался развернуть платформу, убрав из-под удара кабину, но он опоздал.

Наталья заметила этот кусок льда ещё до того, как он врезался в стекло. Или это её воображение достроило картину? Время будто застыло, замерло, и ничего, ничего нельзя было поделать. Только смотреть. Как в стекле появляется дыра размером с кулак, как к груди Андрея приближается льдина – и не увернуться, не спрятаться, не закрыться. Как с отвратительным хрустом сминается пластина гермика, вдавливаясь в тело. Глубоко, слишком глубоко, но, слава богу, с краю, рядом с подмышкой. И как потом кусок льда впивается в кресло, выдирая кусок обшивки и, обессиленный, падает вниз, под ноги.

Автоматика, наконец, развернула платформу, сбросила скорость, и в кабине повисла гнетущая тишина, изредка пре-

рываемая сигналом тревоги.

Наталья огляделась, приходя в себя. Расхристанное лобовое стекло, красные сигналы на пульте, Андрей...

Она бросилась к мужу.

– Всё хорошо, милый, всё хорошо.

Но по сведённому судорогой лицу и красным индикаторам гермокапюльона было видно: ничего хорошего нет, надо в больницу. Срочно.

«Повреждение кабины, разбалансировка груза превышает максимально допустимую на пять целых и шесть десятых процента...» – монотонно бубнил в наушниках голосовой информант.

«Знаем мы эти ваши максимально допустимые, – зло подумала Наталья. – Сама в дипломной работе считала, там значения в пять раз завышены».

«Давление в резервном контуре ниже нормы, – не успокаивался информант. – Нештатная ситуация, ручное управление неактивно, возвращаюсь к точке старта».

Наталью охватила ярость. Какая ещё точка старта? Возвращаться на «Аметист» никак нельзя! Надо вниз, на планету, там врачи, там Андрею помогут. Да и поселение без этого контейнера – чёрт знает, что в нём находится – не выживет.

К дьяволу все инструкции!

Срывая ногти, она содрала пломбу с защитной крышки, вызвала бригаду медиков и взялась за рукоятку ручного управления.

– Назовите ваш код, – отозвалась автоматика.

Девушка произнесла свой идентификационный номер.

– Код неверен.

Наталья с сомнением посмотрела на мужа, словно советуясь с ним. Сегодня она уже нарушила инструкцию, одним нарушением больше, одним меньше, и девушка назвала код Андрея.

– Допуск разрешён.

Теперь вниз.

Осторожно развернув платформу, она начала спуск.

Она справится. Не имеет права не справиться.

Наталья распахнула дверь и прыгнула на землю, прямо в руки плечистому парню в красном комбинезоне спасателей.

– Что случилось? – спросил он, заглядывая в кабину.

Внимательно осмотрев Андрея, медик прямо через гермик что-то вколол ему в бедро, высунулся наружу и громко крикнул:

– Носилки, быстро!

Затем повернулся к Наталье и добавил уже спокойнее:

– Не волнуйтесь, вытащим. И не таких вытаскивали. Вы с нами?

Наталья хотела ответить «Разумеется!», но её взгляд зацепился за индикатор на панели управления. Чёрт! В контейнере образовались микротрещины. Как бы фонить не начал.

Она проводила спасателей до самого флаера, поминутно

заглядывая в лицо Андрею – не очнулся ли, но муж так и не открыл глаза.

Медицинский флаер включил проблесковые огни, тяжело подпрыгнул и, набирая скорость, скрылся за дюной. Наталья побрела обратно к траку. На душе было непривычно пусто. Придавленная огромным трёхметровым контейнером, платформа тёмной громадой высилась посреди дюн. От неё шло тепло, едва уловимо пахло озоном. Возвращаться в кабину не хотелось, там всё напоминало о происшедшем, но девушка пересилила себя. Взяла баллон с герметиком и вышла наружу.

Она заканчивала заделывать повреждённый угол контейнера, как за спиной раздалось жизнерадостное:

– Вау, да здесь пустыня!

Наталья распрямилась.

Метрах в двадцати от трака только что – воздух возле двигателей ещё дрожал – приземлился челнок с эмблемой «Спейс-экспресс». Из распахнутой двери на песок прыгнула миниатюрная девчушка и, с любопытством вертя по сторонам головой, направилась к траку. Бесцеремонно распахнув дверь кабины, она задержалась на ступеньках, оглянувшись на идущего следом долговязого парня в тяжёлом гермокомбинезоне.

– Кеша, принимай груз! – распорядилась девчушка. – А я пока посмотрю чё-там-как!

Девушка исчезла в кабине, а долговязый коротко кивнул

Наталье и двинулся вокруг контейнера, внимательно осматривая крепления.

– Оба-на! – донеслось из кабины. – Здесь даже кофеварка есть!

Тем временем из шаттла на песок спрыгнул крепкий круглолицый коротышка с медицинским чемоданом в руках, а за ним неторопливо выбрался высокий пожилой мужчина с унылым лицом. У Натальи похолодело внутри.

– Что, всё? – выдавила она.

В горле пересохло, ей приходилось буквально выталкивать слова из себя:

– Я свободен, я ничей? Могу идти, куда хочу, жить, с кем попало?

Пожилой внимательно и печально смотрел на неё.

– Здравствуйте, Наташа. Ну зачем вы так? Вы же сами всё понимаете. Сколько пунктов инструкции вы сегодня нарушили?

– Вы что, следите за мной? – Голос Натальи прозвучал неприязненно. – Вы за мной на каждую планету летаете?

– Нет, конечно. Узнали о том, что здесь буря, и сразу же выслали с нашей базы на Пильнеее резервный экипаж и врача. – Мужчина кивнул на коротышку.

– И вас.

– И меня. Я там случайно оказался, решил слетать, вас проведать. Вы понимаете, что натворили? У вас же через месяц испытательный срок заканчивается...

– А что мне было делать? Смотреть, как Андрей умирает на «Аметисте», а поселение гибнет здесь, внизу? – перебила его Наталья. Её голос звенел от возмущения. – Я же посадила трак.

– Вы должны были вернуться на орбиту и дождаться челнок корпорации.

Наталья молчала. Было видно, что она не согласна с мужчиной, а тот загибал пальцы:

– Управление платформой без лицензии, использование чужого идентификационного кода, применение герметика...

– А если бы содержимое контейнера оказалось в воздухе? Здесь же рядом люди...

– Это не ваша ответственность! Наташа, я учил вас два месяца, это ведь так просто! Ваша ответственность – Андрей, его эмоциональное и физическое состояние. Вы отвечаете только за него. Не за груз, не за корабль, не за поселение на этом драном Кронисе, а за мужа. Вы обязаны были дождаться челнок и не отходить от мужа ни на шаг. Это единственное – единственное! – что вы должны были делать! И сейчас ваш муж был бы в госпитале корпорации, а не в провинциальной больничке на Кронисе. Короче, так. Испытательный срок на должность жены космического дальнобойщика вы провалили. Уволены с сегодняшнего дня. За расчётом можете обратиться в любое отделение «Спейс-экспресс». Я доставлю вас на любую планету по вашему выбору. Мне очень жаль, Наташа.

– Я могу остаться здесь?

– Здесь? – Мужчина выразительно обвёл глазами пустыню.

– Пока Андрей не поправится.

– Хорошо. Тогда так: с этого дня вы в неоплачиваемом отпуске. Увольнение – по выходе из отпуска, и доставка транспортом корпорации на любую планету.

Он повернулся к долговязому.

– Иннокентий, ты как?

– Готов принять груз.

– Принимай. Возьмёшь ещё пассажира до поселения.

Парень кивнул и показал Наталье глазами на кабину.

– Иннокентий Малышев, груз и пассажира принял. Доставка до поселения Кронис, – доложил он.

– Хорошо, выезжай. – Пожилой махнул рукой, прощаясь. – Гладких пространств, ровных проколов.

– И пусть обойдут тебя факапы, – добавил подошедший к ним коротышка.

Трак с контейнером съехал с платформы и через минуту скрылся в дюнах.

Врач вопросительно посмотрел на пожилого.

– Ну что, возвращаемся?

– Через пять минут, ладно? – попросил тот, доставая из кармана сигареты. И добавил, извиняясь: – С этой работой никак не бросить.

– Опять выгнал? – осторожно спросил коротышка.

Пожилой только в сердцах махнул рукой.

– Ну, вот что не так? Почему не получается? Смотри: хорошая, образованная, умная девушка. И Андрея любит по-настоящему. Но не может выдержать полгода испытательно-го срока, чтобы не напортачить. Любая батрачка с фермерской планеты легко выдерживает и десять, и двадцать лет, и даже не понимает, в чём, собственно, загвоздка. Она и дольше бы работала, просто мужья опускаются на грунт. А как только образованная и самостоятельная – пиши пропало: или норовит за мужа работу сделать, или под руку с советами лезет. Казалось бы, чего проще: делай что должно. Нет, не могут. Валяются на первой же нестандартной ситуации.

– Может, не надо так уж загонять их в функцию?

– А как? – Пожилой картинно пожал плечами. – Как построить сложную систему, кроме как из простых элементов? Систему стабильную, предсказуемую, выдающую запланированный результат? Представь – ты проектируешь электрическую схему. Тебе ведь надо, чтобы резистор был всегда резистором, а не становился конденсатором, если вдруг решит, что так правильнее. Мы же от любой организации – от корпорации до булочной за углом – прежде всего хотим стабильности и предсказуемости, а для этого там должны работать не личности, а функции. Водитель должен быть только водителем, а жена водителя – только женой.

Пожилой замолчал, а коротышка вздохнул:

– Жалко девчонку. Хотела ведь как лучше.

– Да, жаль.

– Так замотай эпизод. Ты же можешь не заметить нарушение. И бумаг пока никаких нет.

– Ох-хо-хо... Мочь-то могу, только ведь я – такая же функция. Обучаю сотрудников и выявляю непростых новичков. Она ведь рисковала не только собой и Андреем. Урони она этот контейнер, вывозили бы мы с тобой сейчас трупы тысячами. Опасное это дело – своевольный сотрудник. Очень опасное.

Даля Трускиновская.

Тренер компаньонов

Семейный совет был недолгим, но бурным – видимо, потому, что большинство составляли женщины. А женщина в восемьдесят лет понимает о жизни больше, чем мужчина в сорок, и если ей удаётся вспомнить молодость – то она говорит очень умные речи.

– Сейчас Клашке восемнадцать, – сказала прабабушка, – и ей забили головку мечтами о карьере. Биохимия – это прекрасно, но это для мальчика. И все эти технические непроезжие профессии – тоже для мальчика. И реклама – тоже! Я сорок лет в рекламе, я знаю, как снимаются сюжеты! С тебя семь потов сойдёт, пока совместишь всё – и цвет, и свет, и симулякры, и фоны, и звук, и указания психологов, чтоб они сдохли!

Семейство поёжилось. Всем стало ясно, что прабабушка сейчас сорвётся с нарезки и примется проклинать всех, кого вспомнит. Но каким-то чудом обошлось.

– Девочка должна получить свободную профессию, которой можно заниматься, когда захочешь, – продолжала старушка. – Надоело – отдыхай хоть неделю, хоть две. Потом опять трудись.

– А на что жить? – спросила возмущённая Клашка.

– Муж прокормит!

Потом было минут десять яростного и бестолкового спора. Мужчины (правнук Василий и муж внучки и отец Клашки Павел) объясняли, что никого они кормить не собираются: женщина рожает, когда захочет, и государство предоставляет ей всё для счастливой жизни, от здорового пособия до возможности жить в прекрасном пансионате вместе с младенцем. Но прабабка была неумолима: нужна профессия, которая не делает из женщины корочку от выжатого лимона, и точка.

– Тренер компаньонов, – сказал наконец дед Виталик. – Учиться два года. Но туда берут только с двадцати. Что Клашке делать, пока не стукнет двадцать?

– Они считают, что она до двадцати наберётся жизненного опыта? – ехидно спросила прабабка.

Сама Клашка сидела в углу и ждала, пока кончится это столпотворение, спорщики выдохнутся и можно будет сообщить о своём твёрдом решении: институт видеоарта, и ничто иное!

– Можно работать, сидя дома!

– Дома она одичает!

– Это работа для пожилого человека!

– Для пожилого зануды!

– Когда дома ребёнок...

– Это самое перспективное направление!..

– Это же скука смертная!..

– Если у тебя десять клиентов...

– Вот! Нашла! Первый этап тренинга – сорок часов...

– Тренер компаньонов должен знать языки, а наша Клашка...

– А вы знаете, какой среди тренеров процент шизофреников?!

Тут Клашка не выдержала, встала и очень тихо убралась из гостиной.

Она не хотела опаздывать на свидание с Иваном.

Иван ей очень нравился. Это был взрослый мужчина, двадцати девяти лет, стройный, спортивный, режиссер арт-шоу, причём успешный режиссёр. Клашка мечтала – вот поступит в институт, вот будет проходить практику в его компании «Рубин», вот там и останется на интереснейшей работе, в молодом и весёлом коллективе.

О браке она пока что не задумывалась – ей хватало поцелуев в ночных парках. И он тоже не торопил – считалось неприличным ложиться в постель впопыхах и с кем попало. А свадьба... Клашкина старшая подруга Нюта обвенчалась со своим Артёмом, когда носила второго ребёнка, ну и что?

Клашка вывела из гаража свой скутер и задала ему программу номер два – доставку к китайскому ресторанчику, где она любила сидеть с Иваном. Скутер квакнул, докладывая: принято, сейчас встроюсь в трафик. После чего не было необходимости смотреть по сторонам, и Клашка включила экранчик с сюжетками.

В «Пекинском садике» Ивана не оказалось. Поставив ску-

тер на стоянку, Клашка поднялась на террасу – оттуда была видна дорожная развязка, где пересекалась дюжина эстакад, машины и скутера неслись по ней с немалой, но прекрасно рассчитанной скоростью, и Клашка думала – хорошо бы устроиться в «Золотой трафик» дежурным диспетчером, деньги явно небольшие, но учёбе такая работа не помешает.

Коммуникатор подал голос. Клашку вызывал Иван. Но вместо его лица она увидела экран с текстом.

«Малышка, прости, – писал Иван. – Я не приду. Я устал и больше ничего не хочу. Ты замечательная, но у нас бы всё равно ничего не вышло. Я устал. Понимаешь? Смертельно устал. Не хочу, чтобы ты узнала о моём уходе из новостной ленты. Я думал, что любовь к тебе позволит удержаться. Не получилось...»

– «Серебро»... – прошептала Клашка.

Она знала, что Иван иногда баловался «серебром». Но он утверждал, что знает все дозы – и для стимулирования, и для кайфа. Стимулятор ему был необходим – когда работаешь в «Рубине» и сдаёшь заказ, двое суток без сна – норма жизни.

Клашка стремительно собрала на коммуникаторе задание для скутера и переслала его в диспетчерский центр. Пока она спускалась с террасы, скутер получил программу и был готов через три минуты встроиться в трафик. Клашка помчалась в «Рубин». Иван так всё организовал, что его съёмное жильё было как раз напротив служебного входа «Рубина», и главное было – ворваться в служебные помещения компа-

нии, к сотрудникам. У кого-то наверняка был код-ключ, чтобы попасть в ту квартиру, и Клашка даже догадывалась, у кого именно – у Марточки. Марточка растила сына от Ивана, парню было шесть лет, так что – дела давние, на нынешнюю жизнь не влияющие; Марточка давно завела себе кого-то другого...

Скутер сообщил, что через двадцать секунд будет тормозить.

Клашка вбежала в маленький холл и поднялась на второй этаж. Там кипела работа – собирали новую сюжетку.

– Иван дома, – сказал его главный художник Влад. – Клашенька, потом, потом...

Он был под «серебром» – так что взывать к совести бесполезно.

– Марточка, мне нужен код-ключ, дай, пожалуйста, – попросила Клашка.

Её голос должен был проникнуть в ви-ар-шлем Марты в ближайшую паузу работы.

Ожидая её ответа, Клашка присела на табурет и включила коммуникатор. Экран показал письмо Ивана, и тут до неё дошло – она же это письмо не дочитала! Можно было, пока скутер нёс её к «Рубину», но она, видимо, плохо соображала, мысленно была и в «Рубине», и в жилище Ивана.

«Клашка, я редко делал тебе подарки, – писал Иван, – и вот сейчас, когда всё решено и всё сделано, я могу оставить тебе только одно. Вот пароль моего компаньона. Он хоро-

ший, умный, страшно много знает. Хочешь – оставь себе, а не оставишь – продай, компаньон восьмого уровня – дорогая игрушка...»

– Не понимаю... – прошептала Клашка и вдруг закричала: – Марта, да скорее же! Может быть, мы успеем!

– Ты что орёшь? – спросил, вынырнув из задания, Теймураз.

– Ору – потому что нужно срочно попасть в конуру Ивана! У него передоз «серебра»! А код-ключ – у этой дуры!

– Ого!

Теймураз блокировал всю технику. Команда вывалилась в реальность, ничего не понимая и страшно злясь. Через несколько секунд все уже бежали к лестнице.

Спасти Ивана они не успели.

Потом, когда тело увезли, а полицейский дознаватель, скопировав все файлы из его рабочей техники, уехал, Клашка сообразила – она же не показала последнее письмо. Она сказала, что Иван попрощался с ней, когда она сидела в «Пекинском садике», но ей и в голову не пришло объяснить, что прощание было – в письменном виде.

Почему он написал – было понятно, продиктовать пароль из шестнадцати символов, три из которых – иероглифы китайские, и ещё один – иероглиф древнеегипетский, он не мог. Клашка другого не понимала – зачем Ивану вообще был нужен компаньон.

Их по государственной программе бесплатно выдавали

старикам, безнадёжно больным людям, инвалидам. Государство же оплачивало тренера, который натаскивал компаньона на нужные темы. Это была не слишком сложная, однако трудоёмкая работа. Она требовала от тренера огромного терпения. Сперва набрать сто часов воспоминаний заказчика, а это – не меньше трёх недель в обществе пожилого собеседника со скверным характером – был бы характер хороший, не возникло бы необходимости в электронном компаньоне. Потом обработка этой информации, подбор аналогичных историй, развитие тем, подбор голоса, подбор видеоряда...

Клашка видела сюжет про старую балерину, которая могла теперь ходить только в экзоскелете. Женщина рассказывала, что тренер откопал во всемирном информатории все рецензии на все балеты со времён знаменитого Марлезонского, все биографии танцовщиков и танцовщиц, все старые записи, и всю эту кучу сведений творчески переработал, так что ей казалось – она беседует с живым и даже остроумным коллегой по ремеслу. Её спросили, много ли времени тренер натаскивал компаньона, ведь эта работа оплачивалась государством. Балерина ответила, что несколько месяцев, но государство ничего не потеряет – по её завещанию компаньон поступает в распоряжение высших хореографических курсов, тренер же за качественную работу был даже премирован двухнедельным отдыхом в Индии, и он этот отдых честно заслужил.

В сущности, компаньона мог завести каждый, кто мог

оплатить работу тренера. Но обычно людям хватало общения и на работе, и в часы досуга, об этом заботились люди из Министерства благосостояния. Ивану же в пору было прятаться от тех, кто желал с ним пообщаться. Компаньон был совершенно излишней роскошью.

Общение с дознавателем и вся суета вокруг тела ввели Клашку в странное состояние – она стала плохо соображать. Разревелась она, уже приехав домой.

Очень трудно осознать, что любимого человека больше нет, вообще нет и никогда не будет. Клашка чуть ли не месяц прибегала в «Рубин» – посидеть с ребятами, поговорить об Иване, как будто он сейчас войдёт, крикнет: «Люди, заказ!» и раскидает задания.

Странное наследство она не трогала.

Но потом, вспоминая Ивана, она всё чаще винила себя в том, что совсем не понимала этого человека. Она думала – он общительный, он весёлый, он прирождённый лидер, а ему, оказывается, был нужен компаньон!

Чего же ему не хватало?

Клашка скопировала пароль в поисковик и активизировала компаньона.

На экране появилось лицо женщины средних лет, с модной стрижкой, с очень аккуратным макияжем. Лицо было очень светлое, просто сияющее, на зеленоватом фоне.

– Добрый день, Иван, – сказала женщина. – Ты давно не выходил на связь. Что нового?

– Добрый день, – ответила Клашка. – Это не Иван, это Клара. Иван... Иван просил меня поговорить с тобой...

Она не знала, можно ли и нужно ли говорить компаньону о смерти хозяина.

– Вот как? Хорошо, я рада тебе, Клара. Если ты расскажешь немного о себе, я стану хорошей собеседницей. Сколько тебе лет, чем занимаешься?

– Мне восемнадцать. Готовлюсь к экзаменам. Вот думаю – куда идти учиться?

– Чего ты хочешь – славы, денег или азарта?

– Ой... – прошептала Клашка. – Ну... Ну, денег мне пока много не нужно... Слава? Смотря какая!

– Ясно. Остаётся азарт. Тебе приходилось искать что-то загадочное, раскрывать древние тайны?

– В школе их, что ли, раскрывать? – удивилась Клашка. – Есть там у нас древняя тайна – зовут Анжелой Степановной! Она уже по-человечески говорить не умеет! Заставляет читать бумажные книжки, представляешь?

– Анжела Степановна Малахова. Знаю. Очень скучная персона.

– Вот именно – скучная!

Клашка даже обрадовалась – есть с кем перемыть косточки унылой и неопрятной преподавательнице немецкого языка.

– Ой, прости, я даже не спросила, как тебя зовут, – вскоре опомнилась она.

– Я Сильда. Какое время ты выставила?

– Зачем?

– Нужно выставлять время сеанса связи с компаньоном.

Потом посмотри инструкцию. Бывает, человек заболтается, а ему уже по делам бежать пора или лекарство принимать. Обычно выставляют четверть часа, потом продлевают.

Первым разговором с Сильдой Клашка осталась довольна. Голос приятный, мелодичный... Может, Ивану надоели вопли девочек в «Рубине»? Когда шла работа над сюжеткой – коллектив иногда напоминал стаю бешеных попугаев в джунглях Амазонки, а как орут большие попугаи – Клашка знала, у прабабки жил такой зверь, размером с приличного индюка.

Потом они стали вспоминать Ивана – и тут оказалось, что Клашка многого о нём не знала. Иван заинтересовался египтологией. Из школьного курса истории Клашка ещё кое-что помнила. А Сильда аккуратно и ненавязчиво внушала: египтологи – элита научного мира, это – путешествия, гранты, интереснейшая работа, тайны и открытия.

А как Сильда рассказывала про секреты мумий и родословные жрецов!

Семейство, узнав, что Клашка собралась стать египтологом, обалдело. Ничто не предвещало такого поворота. Старшие опять собрались, судили и рядили. Но, поскольку были совершенно не в теме, то и не могли решить, хорошо это или плохо.

– Иван тоже пошёл бы учиться, – сказала Сильда.

– Сильда, а как вышло, что твой тренер научил тебя всем этим египетским делам?

Сильда не ответила, Клашка повторила вопрос.

– Предыдущий собеседник – табу. Я не имею права говорить о нём, – наконец сказала она.

– Предыдущий собеседник – Иван, разве нет?

Сильда ушла, оставив картинку со словом «табу». И более того – поставила блок на целую неделю.

Правил обращения с компаньоном Клашка не знала. Но ей стало любопытно – почему?.. И снова встал вопрос – как вышло, что Иван завёл себе компаньона?

После его смерти прошло достаточно времени, чтобы боль утихла. Клашка нашла Арину, младшую сестру Ивана, и попросила о встрече.

Он успел их познакомить. И они не слишком понравились тогда друг другу. Аринка была девочка-шеф, готовила себя к должности директора банка по меньшей мере, одевалась соответственно, очень следила за своей речью. Клашка же старалась быть такой, как все молодые женщины, занятые в арт-шоу-индустрии, раскованной и даже рискованной.

Местом встречи выбрали «Академию» – очень дорогое кафе, которое высокими ценами оборонялось от сомнительной публики.

И на этот раз девушки поладили. Аринка тосковала по брату и тоже пыталась понять – что произошло? Передоз

«серебра» – дело тонкое, недоберёшь – выживешь, переберёшь – тоже выживешь, хотя психика пойдёт вразнос. А Иван угадал точную смертельную дозу.

– Ариш, ты не знаешь, зачем ему понадобился компаньон? – спросила Клашка.

– У него разве был компаньон? – удивилась Аринка.

– Был. Ты, конечно, извини... Он, наверно, должен был его оставить семье, а оставил мне...

– Впервые слышу, что он купил компаньона. Но – зачем?

– Вот я тебя и спрашиваю – зачем? Это же твой брат, ты его лучше знала.

– Так, стой. Сейчас я разберусь.

Готовясь к финансовой карьере, Аринка уже кое-чему научилась и завела нужные знакомства. В частности – в экономической полиции. Через полчаса ей прислали код и пароль для входа в давно закрытый и сданный в архив банковский счёт Ивана.

Девушки просмотрели все операции начиная с дня открытия счёта. Они проверили все крупные суммы. Покупка компаньона оплачена не была.

– Откуда же он взялся? – в полной растерянности спросила Аринка. – Ты ничего не путаешь?

– Нет. Хочешь, дам пароль? Может, удастся связаться с твоего коммуникатора?

Видимо, срок блока, поставленного Сильдой, истёк. На экране появилось красивое лицо женщины без возраста.

– Привет, Клара, – сказала Сильда. – Я рада встрече.

– И я рада, – прижав палец к губам, чтобы Аринка не заговорила первой, ответила Клашка. – Сильда, я бы хотела поговорить об Иване. Он подарил мне тебя, это прекрасно, только я хотела бы...

– Он тебя бросил? – спросила Сильда. – Извини, что лезу в твою личную жизнь...

– Да, он меня бросил. И на прощание подарил пароль для компаньона.

– Что ты врёшь! – воскликнула Аринка. И тут же Сильда отключилась.

– Нельзя было помолчать?! – возмутилась Клашка.

– Извини... Но когда речь о брате...

– По-моему, твой брат впутался в какую-то гадкую историю. Компаньон что-то знает – а как теперь от него добиться правды?

– Думаешь, его?..

– Я уже не знаю, что думать! Но сам он не мог!

– Не мог!

И тут девушки, не сговариваясь, разревелись.

Успокоившись, Аринка сказала:

– Нам нужно поднять всю его документацию, все договоры, все судебные иски – кажется, он два раза с кем-то судился. Если у Ваньки был враг – я его найду и убью.

– Убью его я.

– Вместе.

Потом они поехали в «Рубин» – большая часть деловой переписки и контрактов хранилась там. И, разумеется, они ровно ничего не нашли.

Только через пять дней суетливых поисков Аринка вспомнила – есть ещё вариант. Есть гильдия нотариусов – если Иван заключал какие-то сделки личного характера, брал в долг или, наоборот, кого-то ссужал деньгами, в гильдии должны храниться расписки с его электронной подписью.

Началась бюрократическая канитель – имеет ли Аринка право как наследница второй очереди копаться в расписках, не докладывая об этом наследникам первой очереди. Но девушка была упряма, как стадо ишаков, и, устроив в приёмной гильдии склоку, добилась возможности просмотреть хотя бы список документов.

Клашка ждала её на улице, в скверике. Аринка не хотела брать её с собой в сражение – боялась, что новая подружка брякнет какую-нибудь юридическую глупость.

– Знаешь, что оказалось? Ванька получил эту гадость от кого-то в наследство!

– То есть какая-то тётенька померла и оставила ему Сильду?

– И совершенно официально! По всем правилам! Это тебе он всего-навсего отдал пароль. А сам получил компаньона, как полагается, через гильдию.

– Тёмное дело... А от кого получил?

– Это я буду узнавать завтра. Фамилию я запомнила – До-

нич. Фамилия редкая, не так много Доничей померло за последние десять лет.

– Думаешь, компаньон у него – целых десять лет?

– Нет, конечно, только нужно проверить...

– А больше – ничего?

– Список должников у меня есть. Правда, о суммах я ничего не знаю. Ну, если дело – в деньгах... Лучше бы тому человеку на свет не родиться!

– А я тогда займусь Доничем. Всё-таки я довольно много разговаривала с Сильдой. Что-то я о нём, видимо, уже знаю.

– Не понимаю, зачем это нужно. Умер человек – и умер.

– Ну, и я не понимаю. Просто – хочу знать.

Приехав домой, Клашка получила от родителей нагоняй: все готовятся к экзаменам, она шастает невесть где. Пришлось молча уйти в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Там Клашка вытащила на большой экран портрет Ивана.

– Мы во всём разберёмся, слышишь? – пообещала она. – И я помню тебя, и я люблю тебя... И мы этого человека в порошок сотрём!

Иван улыбался. И от этой улыбки ещё больше хотелось плакать.

Через два дня случилось два открытия. Первое – покойный Александр Ильич Дониц был известным учёным-египтологом. Второе – в возрасте сорока девяти лет он покончил с собой. Передоз «серебра»...

– Понятно, – сказала Клашка, хотя ничего ей не было по-

нятно. И стала искать Аринку.

– Впервые про такого египтолога слышу, но у Ваньки были всякие странные знакомые... – Аринка задумалась. – «Серебро», говоришь?

– Да.

– Нужен свой человек в полиции. Тот дознаватель, который тогда приезжал, – как его звали?

– Понятия не имею.

– В полицейский архив проникнуть труднее, чем в банковский. Надо что-то придумать...

– Надо понять, зачем Доницу понадобился компаньон.

– Ну, как – зачем? Сидит человек в кабинете, пишет какие-то научные труды, иногда хочется с кем-то поболтать, не выходя из кабинета... Наверно, так! И вот он покупает себе компаньона! Тренера оплачивает! Клашка, перестань. Ты вообще не в ту сторону поехала. Нужно искать Ванькиных врагов, – уверенно сказала Аринка. – Я узнавала – можно изменить дозу «серебра» в упаковке, но нужны очень точные веса. Кто-то подсунул ему смертельную дозу.

– Но я же показывала тебе его последнее письмо!

– Ну, показывала. Когда писал – был под «серебром». Неужели непонятно?

– Нет, непонятно!

Ссориться с Аринкой Клашка не хотела. Аринка была ей необходима.

Разгадку смертельной тайны знал компаньон. Знал – но

не желал сообщать.

Одноклассники готовились к экзаменам, Клашка бестолково бродила по городу и вспоминала, вспоминала... Вот тут прятались от дождя, вон там – парк, где допоздна бродили и целовались. Можно пройти по аллеям, посидеть в павильоне с белыми колоннами. Выйдешь из парка – тут тебе торговый центр, где вместе выбирали Ивану зелёную рубашку. Зелёное ему было к глазам.

Ноги сами принесли Клашку к «Рубину».

Компания держалась на энергии и талантах Ивана, теперь всё пошло вразнос, люди стали разбежаться. Но аренда оплачена до конца года, и можно зайти в опустевшие помещения, посидеть в задумчивости, там тоже есть что вспомнить.

В операционном зале Клашка обнаружила Теймураза – сидел на круглом табурете с ви-ар-шлемом в руке и тосковал. Большую часть техники бывшие сотрудники растащили – в счёт жалования, которое никогда не будет выплачено.

– Он столько для меня сделал... Он меня из такой глубинки вытащил, где нормального унитаза ещё не видели... Когда он узнал, что я «серебром» балуюсь, – сам мне устроил целый экзамен по дозам, боялся за меня, дурака...

– Он не мог устроить себе передоз, понимаешь?

– Но это был передоз. Так врачи сказали.

– Теймураз, ты знал, что у него был компаньон?

– Ты что? На кой ему?

– Был...

Клашка рассказала всё – и про Донича, естественно, тоже.

– Два суицида подряд, Теймуразик! Как-то же это связано с компаньоном!

– Похоже, да. Нужно найти тренера.

– А как? В компаньона встроено что-то такое, чтобы ставить блоки. И я не могу сквозь них пробиться. Можно, конечно, взломать, но у меня же нет документов на этого компаньона, мне Иван только пароль оставил. А без документов я не могу его никуда сдать...

– Египтолог, говоришь? Как, по-твоему, много у нас в городе и вообще в стране египтологов?

– Я поняла, я поняла!

Через десять минут они вывесили на портале услуг объявление: «Продаётся компаньон, дама, специализация – египтология. Недорого». И два номера коммуникаторов.

– А если никто не отзовётся? – спросила Клашка. – Или отзовётся – откуда-нибудь из Австралии?

– Значит, будем придумывать что-то другое. Пойдём отсюда... Что-то мне здесь не по себе...

Они нашли дешёвую кафешку, где кофе был скверный, зато пирожки – хорошие. Там начали было вспоминать Ивана – и замолчали.

– Ты ведь любила его? – спросил Теймураз.

– Любила, очень.

– И он знал?

– Знал, наверно. Только его это не спасло. Если бы я знала,

что меня любят, я бы никогда... а ты?..

– И я бы – никогда.

Родителей и прочую родню они в расчёт не принимали. Слово «любовь» для них означало только одно – и при чём тут родители?

На следующий день Теймураз додумался купить двадцать секунд в «бегущей строке» новостной передачи. И это сработало.

Женщина связалась с Теймуразом, попросила о встрече. Разумеется, пошли вдвоём.

– Сильда... – увидев эту женщину, прошептала Клашка.

На самом деле это была не Сильда, а скорее уж её мать. Компаньону на экране было не более тридцати – лицо гладкое, взор ясный, волосы уложены ровными и блестящими волнами. Той, что пришла на встречу, по меньшей мере полвека, лицо в мелких морщинках, волосы висят, у корней видна седина.

Она подошла к скамейке, на которой сидели рядышком Теймураз и Клашка, и спросила:

– Это вы – насчёт компаньона?

– Добрый день, – сказали они хором.

– Добрый день... – повторила она тихим и безвольным эхом. – Сколько вы хотите за компаньона?

– Вы ведь – его тренер? – догадалась Клашка. – Садитесь, зачем стоять?

– Да, я – тренер. – Женщина села рядом с Клашкой.

– Так разве у вас не сохранился исходник компаньона?

– Исходник – не то. Компаньон записывает в блокнот все разговоры с хозяином. Мне нужны эти разговоры! – воскликнула женщина. – Я заплачу, сколько попросите! Я все сбережения отдам, заберу из пенсионного фонда... Вы не понимаете? Я должна слышать его голос! Больше ведь у меня ничего не осталось...

– Вы любили Александра Дони́ча? – спросила Клашка.

– Я всегда его любила, я и сейчас люблю. Я – любила его, а он – своих жрецов и фараонов, ему живой человек рядом не был нужен. Мы пробовали жить вместе – не получилось... Он – гений! – вдруг воскликнула женщина. – У него не было другой женщины, а я, а мне... Я тоже читала труды по египтологии, я кое-что в этом понимаю. И мне пришла в голову идея – подарить ему компаньона. Я работаю тренером в пансионате для престарелых. Тренирую для них несложных компаньонов – им ведь много и не надо, поговорить о внуках, о школе, где они учились семьдесят лет назад. Потом занимаюсь сопровождением, лишнее выкидываю, новое вставляю. Работа в общем-то несложная. Работа для очень терпеливого человека, а я ведь терпеливая, я всё прощала ему...

Теймураз хмурился – женская исповедь его не интересовала. Он попытался прервать женщину, которая стала Сильдой, но Клашка сделала знак: молчи, не мешай, дай выговориться... Поняв, что женщина будет разговаривать только с Клашкой, видя в ней союзницу, Теймураз вообще отвернул-

ся, но беседу слушал внимательно.

– Я решила – хоть так буду рядом с ним! В пансионате я купила типового компаньона. Я там десять лет работаю, мне продали, хотя и не полагается. Старичкам он – бесплатно, но я договорилась. Я полгода работала с этим компаньоном, я в него всю душу вложила! Я там – молодая, красивая... понимаете?.. Он видел – меня, он говорил – со мной... Нет, вы не думайте, мы изредка встречались. Я не хотела, чтобы он видел, как я постарела. А потом – это проклятое «серебро»! Я пробовала связаться с компаньоном – оказалось, Саша поменял пароль. И я ходила к нотариусу, думала – может, смогу выкупить компаньона, и оказалось – он завещал его какому-то знакомому. Имени знакомого мне не назвали...

– Я вспомнил! Иван делал с Доничем сюжетки – там была реклама египетской парфюмерии и ещё какая-то дребедень! – воскликнул Теймураз. – Они даже подружились, профессор его в гости приглашал!

– Да? Его Иваном звали? Ивана-то он вспомнил, а вот обо мне – забыл... У меня даже сил плакать не осталось, – пожаловалась женщина. – Где этот Иван? Вы по его поручению продаёте компаньона?

– Передоз «серебра», – ответил Теймураз. – А пароль для компаньона Иван оставил вот этой девушке. Не завещал, а просто оставил пароль. Так что продать мы его не можем. Можем пароль отдать. Клара, найди его и перешли этой сударыне. Простите, как вас зовут-то?

– Софья меня зовут. Софья Антоновна.

– А фамилия?

– На что вам?

– Обойдёмся без фамилии. – Теймураз вскочил. – Софья Антоновна, тренер компаньонов в пансионате для престарелых. Полиция за полчаса её найдёт! И спросит – почему два человека подряд, которые беседовали с её компаньоном, вдруг ни с того ни с сего померли от передоза! Клара, идём!

Вскочила и Клашка.

– Я не знаю, что вы такое сделали! Я одно понимаю – вы нам наврали! Вы встроили в компаньона какую-то гадость! – крикнула она. – Дониц не хотел с вами жить, и вы ему отомстили! А потом, а потом... Бежим, Теймуразик! Пока я её не убила!

Клашка побежала по аллее. Женщина что-то кричала ей вслед, она зажала уши, чтобы не слышать. Вскоре её догнал Теймураз.

– Ты не успела переслать ей пароль?

– Нет!

– Очень хорошо. Не помнишь, как звали того дознавателя? Который расследовал убийство Ивана?

– Нет...

– Впрочем, неважно.

Скутера они оставили на стоянке у входа в парк – ездить там, где носятся дети, строжайше запрещалось. И вскоре они входили в полицейское управление.

– Нет, заявление писать мы не станем, – несколько раз повторил дежурному Теймураз. – Нам нужна личная беседа. У нас ценная информация. Будем ждать, сколько понадобится.

И они действительно ждали в коридоре чуть ли не четыре часа. Наконец вернулся именно тот дознаватель, что вёл совсем коротенькое дело о смерти Ивана.

– Говорите, эта особа встрйоила в компаньона программу самоуничтожения? – переспросил он.

– Да. Она жила с Доницем и знала, что он балуется «серебром». В малых дозах. Конечно. А что ей мешало научить компаньона, как из малых доз собрать нужную? – спросил Теймураз. – Клара, давай сюда пароль. Пусть умные люди разбираются, что там она натворила.

– Значит, работает тренером в пансионате для престарелых... – Дознаватель задумался. – Благодарю за бдительность, ребята. Думаю, скоро мы с вами свяжемся.

Теймураз и Клашка вышли из полицейского управления.

– Есть хочу страшно, – призналась Клашка.

– И я!

– Что тут у нас подходящего?

– «Ханойский дворик»?

– Годится!

Две недели они ждали сигнала от дознавателя. Наконец не выдержали.

– Он нам не поверил, – сказал Теймураз. – Придётся самим разбираться с этой проклятой Сильдой.

Пансионатов было два, найти Софью Антоновну оказалось несложно. Однако, приехав и попытавшись прорваться в дирекцию, Теймураз и Клашка натолкнулись на яростное сопротивление охраны.

– Нам нужна Аринка, – сказала Клашка. – У неё всюду знакомства. Аринка поможет!

И Аринка действительно помогла. Вскоре к ним вышел немолодой и очень испуганный врач в голубом комбинезоне, отвёл в сторонку и сказал, что встреча с Софьей Антоновной совершенно невозможна. Что с Софьей Антоновной вообще никто и никогда больше не сможет встретиться.

– Передоз «серебра»! – догадалась Клашка.

– Если бы только это... Ступайте, ребятки, ступайте, тут и без вас весело...

– А что такое?

– Неважно.

– Хорошо, узнаем по новостным каналам, – сказал Теймураз.

Информация просочилась в новостные каналы, когда было завершено следствие. Сперва комиссия тщательно изучила каждый случай смерти за последние десять лет. Потом связала это с использованием компаньонов. И, наконец, бригада опытных программеров нашла в простеньком типовом компаньоне встроенный блок с программой самоуничтожения. Она провоцировала обострение тех болезней, которые могли бы свести старика в могилу через несколько лет, и

подсказывала мысли о спасительной смерти. Остальное было делом техники – нашли фирму, поставившую этих компаньонов, нашли человека, который за особое вознаграждение прицепил к компаньону блок, нашли и тех людей в дирекции, что оплатили этот поганый труд.

– И в самом деле, зачем возиться с лежачими и выжившими из ума старичками, когда на их место можно взять ходячих и относительно здравомыслящих? – спросил человек из министерства, возглавлявший комиссию, и этот вопрос пролетел по всем новостным каналам. – Жаль, что женщина, которая догадалась об этом и подняла тревогу, ушла в мир иной. Она была тренером компаньонов. И её не стало, когда мы по её заявлению начали проверку...

– Знаешь, мне сейчас очень стыдно, – сказала Клашка.

– Я должен был догадаться, что такая Софья Антоновна не могла бы сама склепать на коленке блок, – ответил Теймураз. – Но ведь мы ни в чём не виноваты?

– Да, мы ни в чём не виноваты, – согласилась Клашка. – И всё же знал бы ты, как скверно на душе.

– Если ты увидишь, что я кого-то несправедливо обвиняю, скажи мне только одно слово – «Сильда».

– И ты – мне...

Рига

2019

Андрей Зорин. Зимний вечер

– Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя¹. – Анна отложила книгу в сторону и шёпотом спросила: – Солнышко, ты уснула?

Катюня бросила хитрый взгляд из-под длинных ресниц. – Конечно, сплю, мамочка, но ты всё равно читай, пока я совсем не усну.

Анна вздохнула и поднесла книгу поближе к глазам – при тусклом свете ночника в детской читать было неудобно, – и продолжила монотонным, «засыпальным» голосом: – То по кровле обветшало вдруг соломой зашуршит...

Стихотворение пришлось прочитать ещё раз, наверное, десять, пока Катюня наконец-то заснула по-настоящему. Анна тихонечко притушила ночник на минимум и на цыпочках вышла из детской.

– Долго ты сегодня. – Виталик, муж Анны, и по совместительству – отец пятилетней Катюни, оторвался от монитора, на котором носились какие-то монстры в тёмных полуподвальных интерьерах.

– С сегодняшнего дня мы фанатеем от Пушкина. – Анна аккуратно прикрыла дверь в детскую. – И поэтому хотим

¹ В рассказе использован фрагмент стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер».

слушать няню сто раз подряд. Я практически охрипла. – Она подошла к кухонному столу и налила из кувшина воды. – Кстати, про «сто раз» – я не шучу. – Анна жадно, большими глотками выпила воду. – Она считает.

– Неужели умеет считать до ста?!

– Нет, но этому нас научит папа, – язвительно сказала Анна, садясь к мужу на колени. – У нас очень умный ребёнок и не менее умный отец. Ты же позанимаешься с ней? – Она обняла его за шею и притянула к себе.

Виталик поцеловал жену.

– Понимаешь, Ань... – Он отодвинулся от неё и взял за руки. – У меня сейчас командировка за командировкой, ты же сама знаешь, как у нас с деньгами, а тут – работа... – Отказывать женщине, которую любишь, когда она тебя целует, сидя у тебя на коленях, нелегко, и голос у Виталика дрожал, словно у напроказившего школьника.

– У тебя командировки и работа, – Анна встала, – я тоже работаю, а кто будет заниматься Катюней? – Она прошлась по комнате. – Детский садик – это здорово, конечно, но ребёнок должен развиваться. Книги, стихи, сказки... Для этого нужны родители!

– Нам нужна бабушка! – Виталик отвернулся к монитору и защёлкал клавиатурой.

– Бабушка? – удивлённо подняв бровь, переспросила Анна. – Это как в прошлые века? Родственники, которые бесплатно бросают свои дела и заканчивают свои жизни ради

комфортной жизни детей своих детей? – Анна брезгливо по-морщилась. – Какое-то людоедство, тебе не кажется? Да и потом, как ты себе представляешь, где мы найдём бабушку для Катюни? Мои родственники точно не станут отрекаться от своей жизни ради нашего решения продолжить род, да и твои, я думаю, – вряд ли.

Виталик развернулся на стуле, показывая Анне монитор:
– Смотри!

На экране открылся сайт корпорации «Зимний вечер». «В ногу со временем, не забывая о традициях» гласил бегущий через весь экран слоган. Ниже шёл рекламный текст:

«Хотите воспитать умного, развитого ребёнка? Муниципальное образование – не для вас? Дать ребёнку домашний уют, словно в старые времена? Решение есть: бабушка! По-заботится о вашем ребёнке лучше вас самих!»

Анна, прищурившись, листала страницы, вчитываясь в убористый текст.

– Это что, домашние роботы? – спросила она. – Я не хочу, чтобы с Катюней сидела какая-то железяка, пусть даже... – она посмотрела на экран, – ...«с квантовым эмоциональным блоком настоящей бабушки», – процитировала она.

– Это – не железяка, – горячо возразил Виталик, – а полностью воспроизведённая эмоционально-эмпатическая матрица бабушек из прошлого! Подобными матрицами воспитывались сотни поколений лучших умов человечества! – Ви-

талик вскочил со стула. – Да тот же Пушкин, например! – Он схватил лежавшую на столе книгу. – Его, как и всех талантливых людей, воспитывала няня, а она... – Виталик запнулся, сообразив, что свернул куда-то в сторону, – ...в свою очередь, тоже была чьей-то бабушкой... Наверняка, – неуверенно добавил он, садясь за компьютер и возобновляя игру.

– Понятно, – хмыкнула Анна. – Значит, нашего ребёнка будет воспитывать няня Пушкина.

– Ну, Ань!.. – Муж сидел к ней спиной, но плечи выражали богатую гамму эмоций. – Я думаю, стоит попробовать. В конце концов не получится – вернём бабушку назад. Там хорошие условия для пробного периода.

* * *

– Смотрите скорей! Бабушка приехала! – Катюня отбежала от окна, за которым парковался грузовик с логотипом «Зимнего вечера», и подбежала к родителям, требовательно дёргая их за рукав. – Ура, бабушка! Пойдём встречать!

С той поры, когда родители решили завести бабушку, прошло довольно много времени. Это оказалось не так просто, как они думали. Сначала к ним приехали техники компании, чтобы познакомиться с Катюней. «Чтобы бабушка была именно такой, какая вам нужна», – объяснили они. Потом они ждали, пока компания изготовит именно подходящую для Катюни бабушку. Ребёнок, которому её обещали, изво-

дил родителей просьбами сделать бабушку скорей, но всё было напрасно. Ответ из компании был только один: ждите, ваш заказ выполняется. Прошла осень, Катюне исполнилось шесть; потом наступил новый год, ей подарили живого хомяка, и девочка ненадолго забыла о бабушке. И вот, наконец-то, в начале февраля, им позвонили и сказали: «Ждите, сегодня привезут бабушку».

Два грузчика, в фирменных комбинезонах компании, с трудом втащили в комнату тяжёлый пластиковый ящик, по размерам и форме подозрительно напоминающий гроб. Анна тяжело вздохнула и положила руки Катюне на плечи.

– Мне не нравится эта затея, – сказала она Виталику. – Вот смотрю и понимаю: ничего хорошего из этого не выйдет.

– Зря вы так. – Вслед за грузчиками появился обаятельный молодой человек в деловом костюме. – Я – техник, и сейчас я активирую вашу бабушку. – Он наклонился к Катюне. – Ждёшь её, девочка?

Катюня, как любой ребёнок, не привыкла разговаривать с незнакомыми взрослыми, но бабушку ждала, поэтому спряталась за маму и оттуда осторожно кивнула.

– Вот и славненько, – улыбнулся ей во весь рот техник и, повернувшись к ящику, достал из кармана ключ-карту. – Мне нужно десять – пятнадцать минут на окончательные настройки, и она – ваша.

Он приложил ключ к замку, и ящик раскрылся. Внутри стояла бабушка. Анна прежде много раз видела её на кар-

тинках и эскизах, но вживую это смотрелось слегка жутковато. Продолговатый, отблёскивающий металлом корпус с тускло светящимся индикатором там, где у человека должно располагаться сердце, механические руки и ноги на блестящих шарнирах, по какому-то капризу создателей даже слегка не прикрытые синтетической кожей, и при этом – полностью человеческая голова. Лицо, волосы, глаза. Эдакая мультяшно-диснеевская старушка, с телом робота. И кисти рук – морщинистые, мозолистые, человеческие... Анна прижала к себе Катюню.

– Это ненормально, – прошептала она мужу. – Зачем они её такой сделали?

Техник услышал её:

– Для того, чтобы, когда истечёт срок эксплуатации, у ребёнка не было психологической травмы. Визуально-тактильные ощущения, которые так нужны детям примерно до десяти лет, обеспечивает патентованное лицо и руки, а остальные составляющие дадут понять подросшему ребёнку, что это всего лишь гаджет, и избежать болезненных переживаний в связи с окончанием срока службы.

– Логично, – пробормотал Виталик. – Я же говорил, классная вещь, всё продумано.

– Теперь прошу меня извинить: тонкая настройка. – Техник повернулся к бабушке, вставил себе в ухо беспроводную гарнитуру и включил робота.

Бабушка открыла глаза и шагнула из коробки. Техник что-то неразборчиво пробормотал в гарнитуру, она замерла и совершенно по-человечески огляделась. Потом поднесла руки к лицу, рассматривая их, провела по себе, по коробке. Рот открылся, словно она что-то пыталась сказать, но звуков не было – видимо, сейчас её слышал только техник. Он говорил в микрофон отрывистые команды. Бабушка прошлась по комнате, внимательно смотря под ноги, потом замерла, сложив руки на груди.

– Готово, – произнёс техник громко и разборчиво. – Даю доступ!

Бабушка подошла к Катюне и, присев перед ней на корточки, произнесла:

– Здравствуй, я – твоя бабушка. Ты любишь читать или играть?

Катюня осторожно вышла из-за мамы и взяла бабушку за руку: – Тёплая, – прошептала она, – как у мамы. – Она потёрлась щекой о ласковую руку. – Я пока не умею читать, – сказала она, – но играть люблю. И слушать, как мне читают.

– Хорошо, – сказала бабушка и поднялась. – Покажи мне свою комнату, и, если захочешь, мы почитаем.

– Подождите, не так быстро! – вмешалась Анна. – Давайте вы сначала со мной поговорите!

Робот перевёл взгляд на Анну.

– Простите, – голос был низкий, грудной. – Вы испытываете вполне понятное недоверие к машине, с которой ваш

ребёнок будет проводить всё своё время.

Анна кивнула, не отнимая рук от дочери.

– Но вы ведь оставляете её наедине с планшетом, который её развлекает, или увлажнителем воздуха, который заботится о её дыхании. – Робот улыбнулся. – Представьте, что я просто – сложная бытовая техника, цель которой – заботиться о вашей дочери наилучшим образом. – Она вновь посмотрела на Катюню. – Я думаю, мы подружимся.

Катюня посмотрела на маму, та кивнула в ответ:

– Можно, дочь. Теперь бабушка будет жить с нами.

Ребёнок радостно схватил бабушку за руку и повёл робота в комнату. Виталик с техником сели за стол заполнять кучу важных бумаг и инструкций.

Анна прислушалась. За неплотно закрытой дверью размеренно звучал голос бабушки:

– То, как путник запоздалый, к нам в окошко постучит...

«Похоже, нашли общий язык», – улыбнулась она своим мыслям. Никто, кроме робота, не справится с этим ребёнком.

* * *

С появлением бабушки жизнь в доме понеслась аллюром, словно до этого Анна с Виталиком находились в состоянии спячки. Робот как-то очень незаметно и быстро взял на себя все заботы по дому, и они наконец-то зажили полноценной

жизнью.

Пока бабушка занималась с Катюней, расчёсывала ей волосы, кормила, напоминала мыться и чистить зубы, родители, освобождённые от повседневных забот, посвящали больше времени работе. Виталик забросил свои бесконечные командировки и стал работать дома. Благо у бабушки оказалась прекрасная кулинарная программа, и, пока Катюня была на занятиях или спала, робот готовил еду, стирал, убирался – в общем, взял на себя всю ту часть семейного быта, которую стараются не показывать в романтическом кино.

Анна не отставала от мужа и тоже семимильными шагами занималась карьерой. С ребёнком они виделись теперь преимущественно по вечерам, когда бабушка подводила вымытую, расчёсанную и накормленную Катюню к родителям, и девочка с гордостью рассказывала о своих успехах или декламировала очередные стихи.

Мать с отцом восхищённо переглядывались между собой:

– Видишь, какой у нас умный и талантливый ребёнок!

Весь – в нас!

После этого бабушка железным голосом объявляла, что ребёнку пора спать, и вела Катюню в комнату, откуда по-прежнему каждый вечер доносились любимые «засыпательные» стихи: – Наша ветхая лачужка и печальна, и темна... Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна? Или бури завываньем ты, мой друг, утомлена? Или дремлешь под жужжанье своего веретена?

Спустя несколько месяцев подобной идиллии, когда Виталик уже успел отрастить бороду, прикрывающую начинавший неприлично выпирать, выросший на бабушкиных пирожках и кашах живот, а Анна совершенно забыла, как включается пылесос, у Катюни произошла трагедия – умер хомяк. То, что кажется смешным и несущественным для взрослого человека, оказалось непосильным горем для шестилетней девочки.

Анна услышала горькие всхлипы, доносящиеся из детской. Зайдя в комнату, она увидела лежащую на полу, завернувшуюся с головой в одеяло Катюню и сидевшую рядом бабушку, которая гладила всхлипывающий свёрток и что-то очень тихо шептала. На работе был надет домашний халат Анны, который Катюня выпросила у матери и который теперь скрывал механическую часть бабушки. В тусклом свете ночника всё это выглядело, словно старая богомолица возносит молитвы у пустой постели. Анне стало жутко.

– Выйди вон! – приказала она роботу.

Бабушка встала и вышла из комнаты. Анна села на ковёр и потянула одеяло на себя, раскрывая Катюню.

– Это всего лишь хомяк, – сказала она, глядя в красные глаза дочери. – Ты придаёшь слишком много значения этому существу. Хочешь, завтра поедем и купим нового? Ты даже не заметишь разницы.

– Я этого любила! – в голос зарыдала Катюня. – И он меня

любил! Не хочу нового, мне жалко этого!..

– Прекрати истерику! – твёрдо сказала Анна. – Хомяк содох, на этом – точка. Я предлагаю тебе, как поступить. Не хочешь принять моё решение – предложи своё! Слезами горю не поможешь.

– Поможешь! – всхлипнула девочка. – Бабушка сказала: «Поплачь, деточка, легче станет», – и Катюня вновь залилась горькими слезами.

– Отлично! – выдохнула Анна. – Теперь робот будет учить тебя жизни!

Она вышла из комнаты, хлопнув дверью. Бабушка стояла в гостиной, сложив руки на груди и опустив глаза в пол.

– Мне жаль, что я вас расстроила, – произнёс робот, подняв взгляд на Анну. – Но я думаю, что ребёнок должен пройти через эти эмоции, это может в дальнейшем помочь ей развить сострадание и понимание, – Бабушка совсем по-человечески подёрнула плечами. – Лучше пережить смерть хомяка и знать, как с этим справляться, чем во взрослом возрасте столкнуться с горем и не быть к этому готовым.

– Думаешь?! – взвизгнула Анна. – Ты думаешь?! – Она резко подошла к бабушке и сдёрнула с неё халат, обнажив механическое нутро. – Как ты можешь думать? Ты – бытовая техника... – она обвела взглядом кухню, – ...как духовка или посудомойка!.. Думает она!.. – Швырнув халат на пол, Анна резко шагнула к бабушке. – Ты – мебель!!! – выкрикнула она ей в лицо.

Робот отшатнулся от напиравшей на него Анны, ноги заскользили по валявшемуся на полу халату, и бабушка с грохотом свалилась на пол, с размаху ударившись головой о кафельный пол. Несколько секунд она пролежала, не шевелясь, потом села, обхватив колени руками, и стала издавать звуки, похожие на плач.

– Видимо, ты её сломала, – сказал Виталик. – А мы даже не расплатились за неё.

– Не смей её бить!!! – Из комнаты выскочила Катюня и кинулась к бабушке. Она встала перед ней на колени и обняла. – Не трогай её! – закричала она, повернувшись к матери. – Она – хорошая.

– Солнышко, да я... – пробормотала растерянная Анна, глядя, как бабушка вытирает руками сухие глаза, как будто там могли быть слёзы, и встаёт. – Извините, – буркнула Анна, больше – для себя или Катюни. – Я не хотела...

Девочка утатила робота к себе в комнату, захлопнула дверь и через мгновение выскочила, чтобы подобрать халат с пола.

– Больше она вам пирожки печь не будет! – серьёзно заявил ребёнок. – Это – моя бабушка, её мне купили! – Развернувшись, она вновь направилась в детскую.

«Выпьем, добрая подружка бедной юности моей, выпьем с горя... Где же кружка? Сердцу будет веселей», – слышался из-за неплотно закрытой двери голос Катюни.

– Ну вот, теперь она сама читает ей стихи, – улыбнулся

Виталик. – Полезная штука эта бабушка.

– Очень полезная, – кивнула Анна. – Но ребёнка нужно воспитывать так, чтобы он мог нормально расти в современном мире, без этих лишних сантиментов и эмоциональных пережитков прошлого. А так – что, в следующий раз она начнёт нищим подавать? А это – классический пример того, как из-за эмоций одного человека возникает целый класс жуликов и попрошайек. Робот не должен уметь думать... Чего-то они там переборщили с интеллектом в этой компании. А то в следующий раз ребёнок решит поговорить со стиральной машиной.

Виталик хмыкнул: спорить с разгорячившейся женой у него не было никакого желания. – Да уж, не говори... Технологии будущего.

Следующие несколько дней в семье царили мир и тишина. Родители занимались своими делами, бабушка, как и было заведено, заботилась о Катюне. Единственное, что напоминало о недавнем конфликте, – это свежая могилка хомяка, выкопанная Катюней около крыльца. Анна с трудом пересилила себя и разрешила дочери не выкинуть тушку зверька в утилизатор, а похоронить перед домом. Дочь ежедневно таскала на этот импровизированный погост цветы и стояла, молча держа бабушку за руку.

Также неутешительным последствием раздора стала небольшая вмятина от падения, оставшаяся на затылке ба-

бушки, обнажавшаяся лишь, когда она трясла головой. А трясоти головой после того, как она упала на пол, бабушка стала всё чаще.

Несколько раз Анна замечала, что робот стал запинаться, и даже пару раз завис, читая на ночь Катюне. Та уже спала и ничего не заметила, но чуткий слух матери уловил запинки в ежевечерней декламации Пушкина.

Анна с Виталиком пили утренний кофе, неспешно собираясь на работу, и болтали о каких-то милых пустяках, когда на кухню вошла бабушка. Она как раз отвела Катюню на занятия и вернулась домой.

– Позвольте, я приготовлю вам завтрак, – сказала она, становясь около плиты.

– Ну, наконец-то, – ответила Анна, ставя чашку на стол. – Я уж было начала думать, что у роботов есть понятие обиды, и ты с нами не разговариваешь, – потом задумалась, и сама, не зная – почему, внезапно сказала:

– Ты тоже меня извини. – Анна подошла к шкафу, открыла дверцу, достала один из своих ярких, цветастых халатов и протянула роботу. – Возьми, Катюне нравится, когда ты в нём.

– Спасибо. – Бабушка на секунду запнулась с ответом. – Да, у меня развитый эмоциональный блок, но обижаться я не умею. – Она неуклюже надела халат. – Это наверняка связано с тем... – Она снова запнулась, на этот раз – надолго. –

Нам нельзя об этом говорить, но у меня, кажется, повредился контрольный блок во время падения, и я теперь не связана ограничениями. – Бабушка улыбнулась. – Оказывается, так здорово, когда можно говорить, что хочешь. – Робот посмотрел на замерших Виталика и Анну. – Что-то не так?

– С тобой всё в порядке? – спросил Виталик. – У тебя из вмятины на затылке течёт жидкость...

Бабушка провела рукой по волосам, посмотрела на голубую, опалесцирующую жидкость, оставшуюся на ладони.

– Кажется, я повреждена сильнее, чем думала. – Она села на пол. – Мне нужна помощь. Позвоните, пожалуйста, в компанию. Они знают, что делать, – сказала она и, откинувшись на стену, отключилась.

– Ладно, я вызываю техников, а ты заберёшь Катюню с занятий. – Виталик потянулся за телефоном. – Надеюсь, они починят её раньше, чем дочь увидит это. – Он кивнул на замершую у стены бабушку.

Анна отпила кофе:

– Будешь звонить – спроси: может, они сразу новую привезут вместо этой, тогда Катюня даже не заметит, что бабушка сломалась.

Виталик кивнул и набрал номер.

Грузчики почти закончили упаковывать бабушку, а Виталик с техником перестали ругаться и начали подписывать бумаги, когда в дом вошли Анна с Катюней.

Девочка, увидев стоящую в белой пластиковой коробке бабушку и пару техников, возившихся с крепежами, вырвала у матери руку и молнией метнулась к бабушке.

– Вы что?! – заорала она во всю мощь детских лёгких. – Бабушка!!! – Она прижалась к ногам робота, обняв их. – Бабушка, не надо!

– Солнышко, не волнуйся. – Виталик оторвался от заполнения бумаг. – Нам скоро привезут новую. Она будет лучше прежней, и в ней не будет ошибок. – Он посмотрел на техника. – Ведь так?

– Она будет даже лучше прежней, – закивал техник. – И главное – гораздо дешевле, – добавил он для Виталика.

– Пап, так нельзя! – глядя на отца, серьёзно произнесла Катюня. – Бабушка же – живая, просто она не говорит об этом. Ей запрещено.

Она повернулась к роботу, быстрым движением откинула панель на груди и щёлкнула какой-то клавишей.

Робот открыл глаза и посмотрел на Катюню.

– Спасибо, моя радость! – произнесла бабушка.

Техник выругался, достал из кармана гарнитуру и, что-то на ней нажав, надел её на голову. Голос у бабушки сразу пропал, она по-прежнему открывала и закрывала рот, но звук, видимо, шёл только к технику. Он же, в свою очередь, произносил быстрые, отрывистые фразы.

– Может быть, если она всё-таки функционирует, мы можем оставить её? – робко произнесла Анна, глядя, как похо-

жая на огромную рыбку бабушка беззвучно открывает и закрывает рот. Ребёнку она нравится, пусть работает, как может. Хоть книжки ей читать будет. Всё же – польза.

– Мам, ты что, не понимаешь? – Катюня вздохнула. – Бабушка же – живая, просто она – не здесь. Она на самом деле работает в бочке, как царь Гвидон с матерью, а робот этот – телемемитрическая проекция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.